

НИНА МОЛЕВА

КОСТРОМА
ПОКРОВ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ

ББК
УДК
ISBN

НИНА МОЛЕВА

КОСТРОМА ПОКРОВ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ

«Новая реальность»

Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Москва, 2013

Графика Э.М. Белютина

из собрания Костромского государственного
историко-архитектурного и художественного
музея-заповедника

КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

«НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Москва, 2013

Штрих-код

Летописцы не упоминают о времени основания Костромы. Историки XVIII века не сомневаются: XII столетие. Историк В.Н. Татищев называет 1152 год, хотя первое летописное упоминание 1214 года свидетельствует уже о существовании большого города.

Скрывался в нем от Тохтамыша двумя годами позже мамаева побоища Дмитрий Донской, а в 1409-м его сын великий князь Московский Василий I Дмитриевич. Связаны с Москвой Романовы, связан и род служилых дворян Годуновых. И московская архитектура. Как представить себе нашу столицу без шапки Ивана Великого, Знаменского монастыря и украсившего древнейшую улицу города Варварку Знаменского собора. А еще люди – родом и характером из Костромщины.

ОДНОЛЮБЫ

Введение в Кострому произошло для меня в 1947 году. В споре. Яростном. Почти на повышенных тонах, насколько это было допустимо между завоём кафедрой русского искусства МГУ А.А. Федоровым-Давыдовым и только что зачисленной на кафедру аспиранткой.

Мы возвращались со студенческого семинара по XVIII веку в Третьяковке, направляясь в МГУ. Точка зрения профессора была категоричной: если вы искусствовед, в вашу профессию не входит забота о состоянии памятников. В музеях это дело хранителей и реставраторов, в текущей жизни – домуправов и работников соответствующих служб города. «А если они ничего не делают или вообще уничтожают памятник?» – «При всех обстоятельствах ваше дело – наука». Но и в понимании науки наши взгляды принципиально расходились. Вернувшись после войны из армии, я без малого три года безвылазно сидела в архивах, раскапывала документы. Профессор никогда не занимался архивами. Ровесник века, профессор, с наступлением Октября то ли кончил, то ли не кончил гимназию, рассорился, по его словам, «вдрызг» с семьей (его отец издавал сентиментальный детский журнал «Светлячок») и ушел «в революцию». Был, опять-таки по его рассказам, правой рукой Луначарского,

получил, в конце концов, руководство Третьяковской галереей и вместе с другой московской гимназисткой Натальей Николаевной Коваленской сформировал социологическую экспозицию, где каждую картину, каждый экспонат сопровождали классово-разоблачительные лозунги. Насколько можно было понять, своего рода «Окна РОСТА» на музейной почве.

Еще в предвоенные годы, позиция коммунистической партии претерпела изменения. Экспозицию восстановили в былом виде, Федора-Давыдова направили читать историю русского искусства в Текстильный институт. Но смысл профессии искусствоведа для профессора по-прежнему заключался в создании концепций (независимо от фактов, артефактов и документов), соответствующих установкам партии на текущий день.

Моя точка зрения сводилась к тому, что памятник, улице, город надо сначала спасти, а потом приниматься за рассуждения. К тому же «концепционного принципа» я на дух не принимала. На аспирантку можно было просто прикрикнуть, но на старшего лейтенанта, прошедшего Великую Отечественную от звонка до звонка, нет. Хотя лейтенант запаса и не был членом партии. Смотреть, как разваливается Замоскворечье, церкви Климента или Григория Неокессарийского было не под силу: как будто возвращался на только что пройденные поля войны.

«Вы любите Москву?» – «Москвичка в пятом поколении». – «Так я вам покажу тот эталон, которого надо держаться, а не защищать всякую мещанско-купеческую рухлядь».

Профессор неожиданно повернул на Малый Каменный мост, мы пересекли Болотную площадь и вышли к узкому проулку около Кокоревского подворья. В расщелине каменных стен, прямо перед нами, словно взметнулся в синеву вечеряющего неба белоснежный столп Ивана Великого. Фрагмент кремлевской стены. Какие-то деревья Тайницкого сада и белоснежная махина, поднявшая к облакам могучий золотой купол, перевитый у основания вязью надписи. Дарственной или посвячительной. На века – «Вот что нам нужно в нашей настоящей жизни, все остальное будет только смазывать впечатление».

Но вот на это как раз было, что ответить. «Хочу напомнить, профессор, это величие, масштаб принадлежит не кому-нибудь – «захудалому» костромскому служилому дворянину Борис Федоровичу Годунову».

Осень 1943-го. Последние лучи солнца на верхушках яблонь у Большого театра. Запруженная машинами и народом Театральная площадь. Открытие! Открытие после возвращения из эвакуации ГАБТа! Оживленные голоса. Смех.

Да, еще война, и еще никто не берется предсказать, как долго она продлится, сколько еще сотен тысяч похоронок придет женам и матерям. Но, кажется, ни разу после начала победа не казалась такой реальной, такой осязаемой. На афише, конечно, «Иван Сусанин» и звездный состав от Валерии Владимировны Барсовой – Антонида до самого Сусанина – Максима Дормидонтовича Михайлова. Многие не считали бывшего протодьякона артистом, зато какой голос!

1658

В ложах бенуара весь дипкорпус. В Царской ложе – все правительство. Конечно, не партийное – политбюро всегда занимало ложу, почти выдвинутую на сцену, под прикрытием тяжелой драпировки. По сложившемуся еще перед войной порядку увидеть можно было самое большое затынутый в тужурку локоть – все шептались – Кагановича.

Постановка оперы была осуществлена перед самой войной. Ни режиссура, ни декорации оригинальностью не отличались. И вот на сцену вышел русский мужик. Среднего роста. Крепко сбитый. В валенках. С прямым, будто смазанным лампадным маслом пробором на голове. Казалось, и грима у него никакого не было. Вышел. Занял место в правом углу, почти на авансцене и...

Максим Дормидонтович и не пытался, по его выражению, «представлять». Он выходил петь и первые редкой глубины ноты: «Чуют правду...»

Зал застыл от той истовости, с которой они прозвучали. Да и не пел Михайлов – творил молитву и когда дошел до слов «Настало время мое...», рухнул на колени и осенил себя крестом таким широким, таким верящим, что партер встал. Один человек, два, десять, все... Он прощался с жизнью и иначе не мог.

Большой театр давно не видел в своих стенах зрителей, но может быть, никогда раньше не слышал таких оглушающих аплодисментов. В зале бушевала овация, а Максим Дормидонтович, поднявшись с колен, так и стоял, не кланяясь, не шелохнувшись, погруженный в свое душевное решение. Как жаль, что в эти минуты артиста-дьякона не видели все те «ис-

торики», которым так хочется стереть со страниц истории костромского крестьянина.

После окончания я помчалась к служебному 13-му подъезду, чтобы сказать хоть несколько слов благодарности певцу. У меня был приготовлен и маленький подарок: вместо цветов – откуда их было взять в военной Москве! – пакетик душистых трав с кусочками сосновой смолы из тех мест, откуда моя бригада прибыла в Москву для переформирования. Со Второго Белорусского.

Максим Дормидонтович вышел как всегда насупленный, явно не склонный к разговорам. Но узнал – мне пришлось вести много концертов в Большом театре и Кремле с его участием непосредственно перед войной. Даже улыбнулся: «Ты что же, пичужка, тоже в погонах? Храни тебя, Господь». Он расцеловал меня и незаметно перекрестил. Такое в те годы не представлялось возможным. Но уже сильно за вечерело. Выходившие актеры почти бежали домой, ни на что не обращая внимания. Прохожих не было. Я отдала Максиму Дормидонтовичу душистый мешочек. И, наверное, мне показалось, – у него повлажнили глаза.

«Но как вы на колени опустились...» – «За это мне еще врежут». – «Так это не режиссерское решение?» – «Да ты что! Так уж пошло». – «А петь на коленях». – «Иначе нельзя». И улыбнулся. Совсем по-мальчишески. И грустно.

Прошли годы, все еще остававшиеся сталинскими.

За плечами Московский университет, аспирантура и – предложение товарища по работе, общим интересам, лейтенанта в отставке Елигия Белютина (Элий – стало в силу случайных обстоятельствах псевдонимом). Предложение, но с условием: венчаться. Условие почти невыполнимое. Досмотр спецчасти, где бы ты ни работал, настороженность администрации и опасения церковников. Просто подобных прецедентов в год 70-летия «вождя всех стран и народов» не существовало. Согласился отец Михаил Галунов, последний настоятель давно закрытой церкви Климента папы Римского на Пятницкой. Отбывший ссылку. С великим трудом приютившийся в колокольне своей церкви и получивший возможность служить в ныне снесенном храме на Преображенской площади. Так уж вышло: моей родной улицей была Пятницкая, родными для Белютина Сокольники.

Венчание среди дня. При закрытых дверях. Без зажженного большого паникадила. С двумя свидетелями. Со стороны жениха – Павел Варфоломеевич Кузнецов, его непосредственный учитель. Со стороны невесты – скульптор Сарра Дмитриевна Лебедева, в то время лепившая ее портрет для Всесоюзной художественной выставки.

Свадебная поездка... Свадебную поездку придумал Белютин. Некое подобие будущих туристических круизов: двухпалубный еще «самолетовский» пароходик выезжал из Северного порта Москвы и возвращался через неделю в южный. Неторопливый рейс назывался пассажирско-грузовым. На каждой пристани в трюмы и на нижнюю палубу тянули какие-то мешки, ящики. Прямо на тюках располагались пас-

сажиры, ехавшие на небольшие расстояния. У нас была каюта, неожиданно просторная, «глаголем», где размещались художественные принадлежности. Тени с берега, пристаней скользили по бумажным листам. Лениво шлепали широкие шлицы, с которых при остановке долго сливалась вода, капали капли...

Пароходик мягко подваливал к стареньким дебаркадерам. Стоял столько, сколько было нужно для погрузки и разгрузки. Что ни день капитан заглядывал, чтобы рассказать очередную байку о своем хождении во время Великой Отечественной на «плавсредствах». Приносил неприменный, иногда совсем теплый хлеб из домашних печей. Делился черной солью – «это из Костромы». И, наконец, Кострома.

Мы поднялись в город. Прошли мимо Торговых рядов, заглянули в улочки с обветшавшими за войну домами и непременно до зеркального сияния намытыми маленькими окошками, в которых цвела алая герань, целой горкой цветов распался «невестин убор». Ото всего «украли» с разрешения хозяек по листочку для московской квартиры. Известно, приживаются только «краденные» саженцы... И вдруг у пожарной части Елигий Михайлович сказал: «Удивительное чувство: родная земля – Костромская». Первый раз он признался, что родина дедов – вот эта самая Кострома.

На выходе из станции метро «Площадь Революции» со стороны Китай-города, народа всегда немного. Прямо пе-

ред тобой алтарная часть собора Богоявленского монастыря. Налево – перспектива Биржевой площади и через два простреливающих ее переулка перспектива высокого красного собора. Когда-то на фоне бесконечных окон гостиницы «Россия», сегодня – просторного неба над Замоскворечьем. Знаменский. Один из самых памятных в истории «строения» Русского государства.

В 1960-х годах в целой Москве не нашлось иного помещения, чтобы разместить только что образованное Городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Было это мероприятие, как и большинство иных, связанных с увековечением русской истории, срочным. Для Центрального Совета подошел один корпус Высоко-Петровского монастыря, обращенный окнами на собор, где на могилах деда и бабки Петра I лихо отплясывали свои ежедневные репетиции танцоры ансамбля «Березка», а в одном из склепов, была откровенно устроена бойлерная. Председателя Общества, бывшего директора музеев Кремля, архитектора Владимира Николаевича Иванова, ни соседство, ни характер использования памятников не смущали, как и членов Совета бывшего разведчика Дмитрия Жукова, художника И. Глазунова, писателя Олега Волкова и других. Никто из них не имел ни малейшего исторического образования и никак не болел раньше за памятники. Во всяком случае, в подобном вольномыслии замечен не был. Главным оставалось распространение ВООПИК по всей Федерации, взимание сборов и выявление неравнодушных к старине людей.

В Знаменском монастыре, который венчал собой Знаменский собор, дела обстояли еще, как теперь стало принятым говорить, круче. Московскому отделению досталась одна колокольня, с вросшими в землю со стороны Варварки окнами колоколенной пристройки. В этой пристройке местилась вся канцелярская часть. Несколькими ступеньками выше – некое подобие зала собраний, без вешалки и каких-либо удобств. Рядом, конечно, кабинеты председателя, его зама и ответственного секретаря.

Первым председателем был назначен один из инструкторов территориального райкома партии Толмачев, первоначальные профессии его помощников никакого отношения ни к истории, ни тем более к архитектуре не имели. Правда, картину легко управляемого аппарата существенно портили рядовые члены, которых оказалось на удивление много. Пенсионеры и студенты. И те, и другие мало что знали, но хотели знать. Дотошно копались в книгах и остатках воспоминаний уходивших из жизни москвичей, постоянно что-то открывали, делились между собой открытиями и требовали. Требовали ремонтов, расчисток, консерваций, никак не были способны согласиться с благостным положением старины в городе. И характерно, никаких искусствоведов, историков, архитекторов. Их не приглашали, но они и сами явно сторонились достаточно зыбкой организации. Как говорил в те годы С.О. Шмидт, «уровень, недостойный профессионалов», нечто смахивающее на кружки при домоуправлениях. К тому же никакие предложения и сколько-нибудь серьезные проекты ВООПИКа в жизни не воплощались. Все ограничива-

лось районными и ежегодной городской конференциями, отчетами «о проделанном», взносах, перевыборами и благодарностями.

Обращение ко мне с просьбой прочесть «какую-нибудь лекцию» для актива по-настоящему следовало отвергнуть, но... Один из уроков Игоря Грабаря гласил: пользоваться всеми официальными возможностями для достижения благой цели. Под средствами подразумевались все разнообразные учреждения, канцелярии, крупные и самые мелкие начальники. Его убеждение, что каждый памятник стоит наших усилий, живет во мне всю жизнь.

Приглашение передавал руководитель, по-моему, исторической секции, в прошлом один из ведущих работников Государственного архива Октябрьской революции Мусатов. Для моего выступления предлагался лекторий Музея архитектуры, тема – на мой выбор. Я назвала «Знаменский монастырь». Как я и предполагала никто из сотрудников ВООПИ-Ка, тем более члены не знали о территории и здании, где бывали, практически ничего.

Интерес оказался огромным. Пришлось касаться истории – ее не знал вообще никто, и главное двух костромских родов – бояр Романовых и служилых дворян Годуновых, вокруг которых и развернулась Смута. Взаимоотношения, околоворцовые интриги, борьба за престол. Как заявляли о себе два стремившихся к престолу рода, как утверждали себя и в каких поныне возвышающихся над Москвой памятники. На следующую лекцию я согласилась только в стенах Знаменского монастыря.

*26 августа (1652), на день Сретения в Москве
Владимирской иконы Пресвятой Богородицы,
родилась у царицы Марьи Ильиничны
царевна Марфа Алексеевна, вторая дочь
царя Алексея Михайловича.*

Дочь! Опять дочь... Только теперь понял: минуты не сомневался – будет сын. Должен быть. Наследник! От кончины первенца почти год не мог в себя прийти. Усвоивший даже собинного друга – патриарха Никона будто не слышал: Бог дал, Бог и взял. Все верно. Только ему, новопреставленному младенцу Дмитрию, отцовский престол было наследовать, мир государству Российскому нести, отца от заботы главной освободить. А тут – Бог дал, Бог и взял... Не потому ли, что именем несчастливый нарекли? Собинному другу в таких мыслях признаться нельзя. А как иначе думать? У государя Ивана Васильевича первенца этим именем крестили. И что? Поехал царь на богомолье, мамка дитё в воду на Шексне с лубы судна упустила. Поверить страшно! Да, видно, не было в том ее вины – не казнил нерадивую царь, кажись и в монастырь не сослал. Сколько лет прошло, решил память о сыне оживить. Последнего сына тем же именем нарек: царевич Дмитрий Угличский. Как сам страшно живот свой кончил, сколько смуты на землю Русскую принес!

И вот теперь – Дмитрий Алексеевич... На свет пришел 2 октября 1649 года. По чину имя выбирали – семь дней впе-

ред отсчитали. Вышло на Дмитрия Солунского. Можно бы преподобного Афанасия Мидикийского припомнить – чем не покровитель? И Феофила, епископа Новгородского, если не Лупша. Да все думалось, лучше связать с Рюриковичами, царя Ивана Васильевича помянуть. Не вышло. В октябре 1651 не стало Дмитрия Алексеевича. Спасибо, царица через месяц понесла. Не иначе – в утешение.

И в делах устроение началось. С собинным другом как нельзя лучше уладилось. Да и тут примета хорошая – под самое Новолетье царице родить. Вот и родила...

Верховая боярыня, что с вестью пришла, глаза отвела: «Государь-батюшка, Бог радости прислал...» Запнулась. Собинной друг с поздравлением пожаловал: «Никак сокрушаешься, государь? Всякое дитя – дар Божий. А сына дождешься еще, и не одного, – чай, не перестарок. Скольких еще крестить будешь. Имя для младенца выбрал?» – «Не решил». – «И решать нечего. На нужный день имен женских множество: сорок дев-постниц. Тебе иное нужно – Симеон Столпник и мать его Марфа. Бабу свою, Великую старицу, почтишь».

Как не согласиться, а на душе сомнение: что имя дочке принесет? Оно, верно, иноческое – не мирское у бабы.

Да про мирское она, поди, и сама забыла – больно рано кlobук надела, тридцать лет носила. Ни детей подрастить, ни с супругом пожить. Сколько себя помнила – все старица Марфа. Одна радость – сыну да бывшему супругу кафтаны и шубы в своей Мастерской палате строить. Сама ткани брала, меха да пуговицы выбирала. За мастерами следила. Кому, как не

им, в любви и согласии жить.

По любви дед дворяночку захудалую – Шестову Ксению Ивановну за себя брал. Богатей, щеголь, красавец писанный, на всю Москву всем женихам жених, а выбрал без смотрин свою Ксюшу. Дядька Борис Иванович Морозов сказывал, Москва надивиться не могла. Ладно, не богата, да и красотой, не взяла. Где там! Умница – тут не поспоришь. Видная – и то верно. Характерная. В делах толк понимала. Хозяйство в руках держала. Дед больше книгами и языками иноземными интересовался. За модой следил. В Старом Английском дворе, что бок о бок романовского двора на Варварке, учителей сыскал – по-английски тайком учился. Латынью, польским и так владел, иному школяру впору.

У англичан же и все товары новые европейские покупал. Одних слуг на дворе до трех сотен держал. А там кареты английские, лошади арабские. Такого заводу коней не то что царь Борис – Федор Иоаннович не знал. Жену молодую по польской моде наряжать принялся.

В июне 1596 году батюшка у них родился, Михаил Федорович. Да нарадоваться им не успели. Через пять лет царь Борис обоих супругов под кlobук подвел. Спасибо, живота не лишил... Никак мысли путаются. Что все о бабе да о бабе. А, да – имя для царевны! Значит, собинной друг сказал: Марфа.

... За дверью шаги. Голос женский. Кто бы это не в пору?

– Государь-братец, один ли ты? Не помешаю?

– Один, один, сестрица. Милости прошу, царевна Ари-

на Михайловна. Сама знаешь, всегда тебе рад, да не часто гостеваньем своим меня жалуешь. А тут и время позднее...

– От родильницы я. Племянненку поглядела.

– Ах, это...

– Не рад. Знаю, что не рад. Так ведь не царица виновата, что дочь твою тебе подарила. Сама вся в слезах. Тебя, государь, прогневать боится...

– Какой гнев – досада одна. От свадьбы самой знал, не заладится все у нас. Эх, кабы на Афимье настоял – она б мне одних сыновей приносила. Не хворала бы да на болезни бы не жаловалась. У нее, чуть что, смех. Минуты не пройдет, то песней залетится, то шутки шутить примется.

– Братец, голубчик...

– Нет уж, Аринушка, сама меня разговорила – сама и дослушай. Акромя тебя, мне и потолковать не с кем. Знаешь, глаза у Афимьюшки какие? Что васильковое поле – как в небо заглядишься. Губы – что твое вишенье спелое. Зубки – как есть жемчуга. Косы – змеями, до полу. Один раз за рученьку белую взял, спросил, люб ли ей. Зарделась. Ресницами лохматыми взмахнула. Да и отвечает: не был бы ты лучше государем. Как так? – говорю. Тогда бы словам моим поверил, а я бы тебя все равно любила, суженый ты мой.

– Так и молвила? Смелая.

– Со мной смелая. Да и чево робеть ей было. Мы уж в тереме наверху все разговоры разговаривали. Царевной ее по чину величать стали. Почти что хозяйка моя, государыня...

– Помнишь, выходит.

– Как не помнить? Иной раз ночью страх обольет: в имени бы не ошибиться.

– Смолчит Марья.

– Смолчит. Разве что в храме лишнюю свечу затеплит, молитву прочтет. А я как ни погляжу, все не Афимьюшка. Не так делает. Не те слова говорит.

– Однолюбы мы, Алешенька, однолюбы.

– Аринушка, неужто и ты не забыла? О принце помнишь?

– Помню, братец, да не обо мне речь.

– Как не о тебе? Я до сей поры маюсь, нет ли моей вины, что принцу уехать дал.

– Твоей? В тогдашние лета? Это батюшке со святейшим по-иному толковать надо было – вот и весь сказ.

– Как по-иному? О чем ты, Арина Михайловна?

– А ты вспомни государя Ивана III Васильевича... Вторым браком принцессу византийскую брал. Какой попервоначалу уговор был, не ведаю. Похоже, принцесса супруга в веру католицкую обращать собиралась. А чем кончилось? Православие приняла, из Зои Софьей Фоминишной заделалась. Чтоб мужа-государя не лишиться. Вспомни, государь-братец, вспомни: как у Москвы с крестом католицким впереди появилась. Патера своего впереди всю дорогу держала. А как государев посланный перед столицей пригрозил, что брака не будет, и от креста, и от патеров отказалась? Не так разве?

– Так это же Софья Фоминишна православие принимала в одном законе с мужем жила. Что-то напугала ты, сес-

тра! Супругам в одном законе быть надо.

– В одном говоришь! А может, брак-то главнее? Сестра государя Василия III Ивановича, Елена Ивановна, помнится за датского принца Магнуса выходила – в разных законах с мужем жила. Может, и принц Вольдемар бы согласился, чтобы он в своем, а супруга в своем жили? Спрашивали ли его об этом?

– Батюшка такого и в мыслях не держал.

– Видишь, видишь! Об одном только и думали, как ценой счастья царевниного принца в нашу веру обратить!

– Господь с тобой Аринушка! Тебе ли не знать, как батюшка тебя любил. От огорчения и преставился – неудачи твоей снести не мог. А я тут как раз без тебя про бабу нашу, Великую старицу, вспоминал. Ты, поди, тоже о ней ничего не помнишь? Тебе-то, как баба отошла, годков пять было, не боле.

– Как не помнить! И косы мне заплетала. Кукол сама шила из лоскутов – ей из Мастерской палаты приносили. Ночью к постели подходила. Колыбельные певала, да таково ласково, таково тихо – еле различишь. А тебе-то она чего на ум пришла?

– Сколько они с дедом семейно пожить успели... любили друг дружку, крепко любили, а поди ж ты, счастья толком не видали.

– Ничего, государь-братец, не пойму. Дочь у тебя родилась, а ты про покойников толкуешь.

– Имя для нее святейший определил! Марфа.

– Вот оно что. Дал бы Господь царевне бабиной силы.

Уж чего, кажется, не прожила, не испытала, какого горя ни хлебнула, а все не гнулась. Постельница и та слабости ее не видывала. Татьяна Головина сказывала.

– А счастья?

– Что – счастье? У каждого оно свое. Или подумал, с именем судьба придет? Полно тебе, государь-братец! И что тебе на то преосвященный сказал? Согласился ли?

– Я и толковать о том не стал. А на сердце ровно камень. Дмитриев всех перебрал. От них к Марфам перешел. Непременно припомнить хочу, как она, жизнь-то у бабы сложилась.

– Про то мне государь-батюшка частенько толковал. Вместо сказок вечерней порой сказывал. Больно царь Борис Романовых боялся – ближе всех к трону стояли, не то что его род захудалый. Вот и свел счеты: батюшке пять годков исполнилось, как деда Федора Никитича под клобук да в Антониев Сийский монастырь, бабу в Заонежские погосты. Батюшку же с сестрицею – на Белоозеро с теткой Марфой Никитичной Черкасской.

– И не один ведь год там прожили...

– Один! Почитай, четыре. Только тогда и разрешили в Клинском поместье деткам с матушкой поселиться.

– Полегчало им тогда. Самозванец к деду Федору - Филарету Никитичу, известно, благоволил, в митрополиты Ростовские возвел, а там и в Москву со всем семейством вернул.

– Да уж дед при царе Василии Шуйском ездил в Углич мощи царевича Дмитрия открывать.

– И такое было. Жизнь наперед угадать никому не дано.

Мог ли дед подумать, что в Ростове его Тушинские отряды захватят, к Тушинскому вору доставят, а тот Федора-Филарета Романова патриархом Всея Руси наречет.

Спросить бы батюшку-государя, да все боязно было, правда ли, что дед по всей Руси грамоты патриаршьи рассылал, чтоб Тушинскому вору подчиниться.

– Правда, Аринушка, сам не знаю, что правда. Не нам предков судить.

– Да нешто я в осуждение, сохрани, Господь! Каково это было деду к вору Тушинскому да Маринке в Калугу ездить, а там их именем с поляками переговоры вести, чтобы их короля или королевича на русский престол возвести.

– А что вышло? Захотел Господь, и на тот же самый престол батюшка вступил. А с поляками тогда какие споры! Без силы спорить не станешь. Плетью обуха не перешибешь. Если в чем согрешили, сами и поплатились. Поляки как деда опасались. Гетман Жолкевский не иначе нарочно вместе с князем Голицыным патриарха Филарета отправил будто бы договариваться. Шутка ли, под Смоленском с октября 1610 до апреля следующего толковали. К тому времени ополчение, глядишь, подошло к Москве.

– Которое ополчение-то?

– Да как же, Захара Ляпунова, Заруцкого да Трубецкого. Послов бы тут самое время опустить, ан нет, поляки их в плен в Варшаву свезли.

– А батюшку с бабой в Кремле московском у поляков в залог остались. Что страху, насилия, голоду натерпелись, один Господь ведает. О патриархе душа болела – неведомо,

жив, али скончались.

– Это уж когда новгородское ополчение подошло, ослобонили родимых, в Кострому уехать разрешили. То в городе в отческом доме, то в Ипатьевском монастыре жили. Тоже несладко приходилось.

– Батюшка-государь сказывал, отрядов бродячих, воров да ляхов хоронились. До беды далеко ли.

– И все Великая старица сама решала.

– Кто ж еще, государь-братец. Так, по правде, сколько ей престолом царским наш батюшка обязан.

– Погоди, погоди, Аринушка, никак я и дни все те на память знаю. 21 февраля батюшку в Москве на престол избрать положили, послов в Кострому, ни часу не медля, отправили.

– Все верно. Только ехали больно долго. С опаской. Через три недели до Костромы добрались.

– Баба их 14 марта, на день святого Феофоста, митрополита Киевского и Всея России, в монастыре приняла.

– И наотрез отказала! Мол, у сына ее и в мыслях нет на таких великих государствах преславных быть государем. Он, мол, не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, да души свои прежним государям отдав, не прямо им служили.

– Видать, не наотрез, коли шесть часов кряду прения с послами были. Надежду, что ни говори, им оставляла. Мудрая баба наша была. А когда пригрозили бояре, что от отказа ее вся земля русская в разор придет, и вовсе призадумалась.

– Не хотела, а призадумалась. Государь-батюшка сколь-

ко раз вспоминал: таково-то величаво и достойно согласие дала, не раньше, чем послы в ноги ей упали. Отдаю, мол, чадо свое единственное земле Русской со страхом и трепетом сердца материнского. И чтоб служили ему верою и правдой, живота своего не жалеючи, а он справедлив и милостив к ним будет. Так-то!

– И с отъездом спешить не стала. Как советчики ни торопили, на своем стояла: все по Божьему произволению станет. Коли судьба сыну царствовать, не опоздает, не судьба – так и вовсе мчаться некуда. 19 марта, в день Божьей Матери Смоленской, из Костромы выехали, а восшествие на престол лишь 11 июня, в день иконы Божией Матери Милующей, свершилось.

– Сказывали, как благословлять государя-батюшку в собор Успенский ему идти, единый раз баба ослабела – слезами залилась. «Сыночек мой, сынок» – вымолвить не может, шепчет едва. Под руки ее подхватили. А она, великая старлица, руки чужие прочь отвела, распрямилась, как березонька, да и батюшку от себя отстранила: мол, теперь сам иди, теперь пора. И еще раз, в спину уж, перекрестила.

1 сентября, на первый день нового 7160/1652 года, патриарх Никон в Чудовом монастыре крестил новорожденную царевну Марфу Алексеевну. В собор младенца несла и у купели держала государыня царевна Ирина Михайловна.

Государь царицу с прибавлением семейства поздравил. В царицыных палатах от росного ладану сине. Свечи

что у киота, что в молельне без счету горят. Дьячок старенький молитвы читает. Черничек толпа. Снуют. Суетятся. В пояс кланяются. Того в толк не возьмут, что супругу с супругой иной раз на особенности потолковать надо. Распорядиться пришлось. Марья плата белей. Видать ослабла. Губы все молитву шепчут, не устают. Великая старлица по-иному живала. Тетки сказывали. Монашеского чину не рушила, а всегда при себе двух дурок держала – Манку да Марфу Уродливую. Все между собой ссорились – бабу тешили. Арап Иванов Давид на посылках – на стульце у кресла бабы сидел. Чего запонадобится, сей час летит. Быстроногий. Увертливый. Жив еще. Поседел весь, спина колесом, а жив. За бабу первый богомолец. Так у гроба ее в Новоспасском монастыре и живет.

А бахарь бабин, что сказки ей сказывал, Петрушка Терентьев Сапогов, преставился. Лет на десять бабу пережил. Ладно так былины выпевал – батюшка тоже его всегда жаловал.

Кто ни вспоминал: в одежде баба строга была, службы церковной ни единой не пропускала. А в келейках своих и посмеяться, и пошутить могла. Тетка, княгиня Черкасская Марфа Никитишна, говаривала, что сердцем у Великой старлицы каждый из семейных согреться мог. Всех жалела.

Вот патриарх Филарет один никогда не заглядывал – очень Великая старлица о нем печалилась. Да ведь как угадать, может, потому ее келейки и сторонился, что памяти своей боялся.

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Сын старший глаголет к отцу:
Отче мой драгий! отче любезнейший!
Аз есмь по вся дни раб ти смиреннейший;
Не смерти скоро аз желаю тебе,
Но лет премногих, как самому себе.
Честнии руце твои лобызаю,
Уст твоих слово в сердце моем выну (всегда. – Н. М.)
Сохраню, яко подобает сыну.
На твоём лице хошу выну зрети,
Всю мою радость о тебе имети.
Во ничто злато и серебро вменяю,
Паче сокровищ тебя почитаю.
С тобою самым изволяю житии,
Неже всем златом обогащен бытии.
Ты моя радость, ты ми свет благий,
Вижду ах светло, како нас любивши,
Егда твоих благ общники твориши.
Несмь аз достоин твоя благодати,
За твой труд и нам Бог то велит дати...

Симеон Полоцкий.

Из «Комедии о блудном сыне».

1678 – 1679 гг.

Родовое гнездо Романовых – оно находилось в Москве. И памятники его сохранялись веками, хотя никто и никогда по-настоящему не проявлял о них заботы: ни государство, несмотря на три века пребывания у власти этой царской династии, ни – и это едва ли не самое удивительное – ее члены.

Задолго до революции московские справочники перестали упоминать, что на углу Большой Дмитровки и Георгиевского переуллка располагались владения Романовых, точнее, Юрия Захарьевича, скончавшегося в 1505 году и погребенного при каменной приходской его церкви Георгия. Дочь покойного Феодосья основала при церкви одноименный монастырь. Отцовский же дом перешел по наследству его сыну Роману Юрьевичу, давшему фамилию своим потомкам.

Среди детей рано умершего Романа Юрьевича были сыновья Данила и Никита и дочь Анастасия, выбранная впоследствии в супруги Ивану Грозному. В жизнеописании Геннадия Любимоградского, составленного его учеником Алексием, есть примечательная подробность. Преподобный, поселившийся в костромских лесах, на Сурском озере, в один из приходов в Москву посетил дом овдовевшей боярыни Юлиании Федоровны и, благословляя ее детей, предсказал маленькой Анастасии: «Ты еси розга прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица».

После того как в 1547 году пророчество преподобного сбылось, царица Анастасия Романовна воздвигла около того же семейного Георгиевского монастыря церковь Анастасии-узорешительницы (разобрана в 1793 г.) и много благодетель-

ствовала монастырю Геннадия. Скончавшийся в 1565 году инок был автором «Наставления начального иноку», очень ярко рисующего условия монашеского бытия тех лет.

Из богатого наследства отца младшему сыну Никите Романовичу достался двор на Варварской улице. Романа Юрьевича, окольного по чину, участвовавшего в походе 1531 года в качестве воеводы, не стало в 1543-м. Его сын Даниил был возведен в сан окольного в связи с венчанием сестры с Грозным. Годом позже он получил сан боярина, отличился в Казанском походе, особенно при взятии Арского острога, в походах против крымчаков и литовцев в 1556 – 1557, 1559 и 1564 годах и скончался в 1571-м. Не менее богатым был послужной военный список и Никиты Романовича. Он участвует в шведском походе 1551 года, воеводой в Литовском походе 1559, 1564 – 1577 годах. Его не обходят и придворные чины. В 1563-м он становится дворецким и боярином, в 1584 – 1585 годах участвует в управлении государством. Из жизни он уходит в 1585-м, приняв монашество под именем Нифонта.

Никита Романович был женат дважды. Первая его супруга – Варвара Ивановна Ховрина, и отсюда один из вариантов происхождения романовского двора на Варварке: приданое невесты из рода богатейших сурожских купцов, заселивших одними из первых эту улицу. Вторая – княжна Евдокия Александровна Горбатая-Шуйская. Пятеро сыновей Никиты Романовича приобрели большое значение при царском дворе, всего же их было семь и пять дочерей, благодаря бракам которых Романовы смогли породниться со всей знатью. Здесь князья Сицкие, Черкасские и даже Годуновы.

Племянник будущего царя женился на Ирине Никитичне Романовой.

Отважные в походах, ловкие в придворных интригах, Романовы отличались еще и редкой родственной сплоченностью, что делало их клан особенно опасным для Бориса Годунова. К тому же сам Никита Романович был еще и превосходным хозяином. Его дом и вотчины отличались редкой ухоженностью, использованием всякого рода иноземных новинок в организации хозяйства, ведении полевых работ. Не менее важно и то, что боярин усиленно поощрял научные занятия своих сыновей, не жалел средств на их образование, не запрещал общения с иностранцами и, в частности, с английскими купцами и посланниками, жившими в соседнем с ними домовладении – Старом Английском дворе. И если владение латинским, греческим, тем более польским языком в культурной боярской среде считалось в порядке вещей, то английский, конечно, представлял редкость. Но именно его и знал Федор Никитич, будущий патриарх Филарет.

Но конец процветанию романовского дома был положен в 1601 году. Расправа Бориса Годунова с ненавистной и казавшейся слишком опасной семьей отличалась редкой жестокостью. Александр Никитич, который в 1585-м находился во дворце в день приема литовского посла, а уже в следующем году занимал должность наместника Каширского, в 1591-м участвовал в походе против крымского хана Каза-Гирея и в 1598-м удостоился боярского сана, потерял боярство, был сослан, по словам летописца, в Усолье-Луду и там удушен. Чем дальше от Москвы это будет сделано, тем лучше!

Михаил Никитич, стольник в 1597-м, окольный в 1598-м, оказался в Ныроле, где скончался от голода. Василий Никитич, стольник, отправлен в Яренск, оттуда в Пелым, где умер, прикованный к стене. Иван Никитич, по прозвищу Каша, тоже оказался в Пелыме, но сразу после смерти брата в 1602 году был переведен в Нижний Новгород и даже возвращен в Москву. В день коронации Лжедмитрия удостоился боярского сана, в 1606 – 1607-м «сидел воеводою» в Козельске и на берегах реки Вырки одержал победу над отрядом князя Массальского, выступавшего сторонником Тушинского вора. Ему довелось быть при возведении на престол племянника и играть при его дворе значительную роль. Его жизненная удача перекликалась с удачей Федора Никитича.

Расправа Бориса Годунова именно с ним была поначалу особенно жестокой: его насильно постригли в монахи под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь Архангельского уезда.

Родились молодые Романовы на Варварке, но вернуться туда вместе с родителями уже не смогли. Черная ряса положила вечный предел между ними. К тому же Филарет не отказался от дворцовых интриг. Лжедмитрий делает его митрополитом Ростовским и Ярославским. Но вскоре при взятии Ростова митрополит Филарет попадает в плен к отрядам Тушинского вора, который, в свою очередь, предлагает былому претенденту на престол сан патриарха, на что Филарет дает согласие.

Вернуться в Москву Филарету удастся только после развала Тушинского лагеря. Он участвует в свержении царя

Василия Шуйского и поддерживает брата Ивана Никитича, вошедшего в состав Семибоярщины. Решение последней пригласить на русский престол польского королевича Владислава, сына правящего польского короля, поддерживали оба брата. Соответствующий договор был заключен с гетманом Жолкевским. Филарет возглавил «великое посольство» в Польшу, которому предстояло уладить все формальности. За все это бурное время заниматься московским двором, как и вотчинами, патриарх Филарет не мог. На Варварке оставалась Великая старица с сыном Михаилом.

Московское посольство приехало в Смоленск, где в то время находился король Сигизмунд. Однако добиться согласия с ним не удалось. Более того, послы были арестованы и отправлены в качестве заложников в Польшу. В Варшаве патриарху предстояло прожить до 1619 года, когда царем Михаилом Федоровичем было подписано Деулинское соглашение и прекращена многолетняя война. Филарет теперь становится законным патриархом.

Властный, «нравный», не терпящий никаких возражений, Филарет в действительности присвоил себе царское положение. Государственные бумаги подписывались двумя «государями» – Филаретом и Михаилом. Михаил Федорович, год от года взрослея, все равно не обретал нужной силы воли, чтобы противостоять отцу. Не меньшее влияние на него имела и Великая старица. Несостоявшаяся семейная жизнь угнетала обоих родителей, но они не могли и не хотели приступить к правлению монашеских условностей, виделись редко, только на людях.

Но вот когда 26 января 1631 года скончалась Великая старица, Филарет не захотел, чтобы их родовое гнездо заняли другие, пусть даже родственные люди. Постановлением патриарха на «государевом дворе» был основан Знаменский монастырь. Сам Филарет пережил жену всего на два с половиной года.

Хотя после вступления Михаила Федоровича на престол двор на Варварке был «поправлен», настоящего ремонта в нем не производилось. К тому же в 1626 году пожар, вспыхнувший 3 мая, опустошил всю улицу, а вместе с ней и Старый государев двор, как его станут называть. Это обстоятельство позволило расширить Варварку, но главная каменная палата на углу Псковского переулка была оставлена нетронутой. Из населения здесь упоминаются только Знаменской церкви протопоп Иаков с двумя священниками и другими лицами церковного клира. В год основания монастыря царской грамотой он был наделен родовыми населенными имениями, принадлежавшими Великой старице.

Приведенный в порядок монастырь вновь сильно пострадал во время пожара 1668 года. Согласно обращению к царю игумена Арсения, «бьют челом богомольцы твои Знаменского монастыря, что на вашем государевом старом дворе твое царское богомолие – монастырь выгорел со всеми монастырскими службами и с запасем, на церквах кровли обгорели и ваше государское старинное строение – палаты – убогим, ныне построить нечем; место скудное; погибаем вконец».

Между тем в выходах государей в XVII столетии посто-

янно упоминается, что царь с боярами и патриарх «со властью» бывали в монастыре на празднике у малой вечерни, все-нощной и обедни. Перед праздником на Сытном дворе наливалась в монастырь «лампада воску». От монастыря в этот день подносились иконы Знамения Богородицы со святой водой в «вощанках» (вощенная ткань или бумага), всем членам царской фамилии, патриархам и именитым боярам.

Восстановление Знаменского монастыря происходит уже после смерти царя Алексея Михайловича. Просьба к нему монашествующих осталась без ответа. Судьбой обители начинают заниматься царь Федор Алексеевич и Милославские – его родственники по матери. Ансамбль монастырских построек в дошедшем до нас виде относится именно к этому периоду – 1670 – 1680-е годы.

Здесь стоит вспомнить, что расположенный на вершине холма, Старый государев двор первоначально скорее всего составлял одно из звеньев обороны Великого посада – будущего Китай-города. С развитием Китай-города он оказался в центре так называемого Варварского крестца – перекрестка, определяя собой все построение улицы. В начале XVII века он имел три каменных строения, причем две палаты «на нижних погребях» и одну – выходившую непосредственно на Варварку – «на верхних погребях», а также домовую церковь Знамения. В 1670 – 1680-х годах на территории Старого государева двора возводится огромное здание Знаменского собора, Игуменские и Братские кельи, каменная ограда со Святыми воротами, перестраивается каменная палата «на верхних погребях» – жилой дом Романовых.

Строят Знаменский собор в 1679 – 1684-х годах костромские мастера под руководством Федора Григорьева и Григория Анисимова по договору за 850 рублей, пожалованных боярином И.М. Милославским. В первом этаже находилась теплая церковь Афанасия Афонского, обширная одностолпная монастырская трапезная с Хлебодарной и Кладовой палатами. На втором этаже располагалась холодная церковь Знамения и ризничная палата. Церковь окружали большие двухъярусные галереи с выступающими далеко вперед нарядными крыльцами. К юго-западному углу галерей примыкала высокая шатровая колокольня (разобрана в конце XVIII века из-за большой осадки фундамента).

Как и все церковные постройки Москвы XVII века, собор поставлен на высоком подклете, а из-за слабости грунта под него забито 2486 дубовых свай.

Очень важное значение для монастыря имели Казенные кельи. В них жили должностные лица, которые вели монастырское хозяйство, хранилась денежная казна и документы – царские и патриаршие грамоты, купчие крепости, завещания. Известно, что царь Михаил Федорович подарил монастырю несколько вотчин в Московском и Бежецком уездах: села Яганова, Хоботское, пустоши Куминку, Царицын Луг. По Переписной книге 1678 года Знаменскому монастырю принадлежало 299 крестьянских дворов.

В 1668 году палаты пострадали от пожара и в 1674-м были почти полностью разобраны. Сохранился лишь подвал, на основе которого мастер Мелетий Алексеев в тот же год возвел по договору с монастырем палаты кирпичные со

сводчатыми перекрытиями. Первоначально они служили жильем игумену, с 1678 до 1752 года использовались в качестве казенных келий, позже сдавались в аренду.

Строителями Знаменского собора одновременно с ним возводятся Игуменские кельи. Расположенные вдоль Варварки, они отделены от улицы небольшим расстоянием. Их отличает предельная строгость архитектурного решения: два этажа под высокой кровлей, небольшие, скорее похожие на бойницы, проемы окон, Федор Григорьев и Григорий Анисимов на редкость удачно вписали здание в пространство двора, подчеркнув величественность и значительность главного собора. Весь монастырь был обнесен каменной оградой.

Но уже ко времени вступления Петра I на престол состояние Знаменского монастыря было признано неблагоприятным. Сказалась слабость грунта, расположение построек на косогоре. Почти все крыши разрушились. На материальном положении монастыря существенно отразилось то обстоятельство, что в 1704 году здесь, в кельях у задних ворот, поместили колодников и арестантов с солдатами, которые своими криками, попрошайничеством отпугивали и так немногочисленных молящихся.

Следующий удар благосостоянию монастыря нанес указ 1720 года о каменных мостовых, которые должны были устраивать домовладельцы. В общей сложности на долю монастыря, учитывая его владения в Замоскворечье, пришлось более 500 квадратных сажень. Никаких льгот «родовому гнезду» не последовало. Наконец, монастырь сильно пострадал и от страшного московского пожара 1737 года.

Вступая на престол, Елизавета Петровна распорядилась поновить монастырь, но на очень ограниченные средства, а также восстановить родовое жилье. Во всяком случае, в 1776 году профессор Х.А. Чеботарев, первый ректор Московского университета и первый председатель Московского общества истории и древностей российских, еще видел собственными глазами остатки «родительского дома фамилии Романовых». В 1784 – 1789 годах часть монастырской стены заменили колокольня и примкнувший к ней корпус монашеских келий, представляющий интересный пример архитектуры московского классицизма. Колокольня состоит из вытянутого вверх четверика и поставленной на него звонницы – восьмигранной башни, увенчанной фонарем с небольшой главкой и крестом. В нижнем четверике находятся две арки, служившие главным входом в монастырь.

Монастырь испытывал постоянные материальные затруднения. Никакие жалобы и петиции на высочайшее имя не помогали, так что собственно дом Романовых в конце XVIII века приходилось постоянно сдавать внаем. Известно, что поочередно в нем жили московский купец Иван Болховитинов, купец греческого происхождения Метакса и нежинский грек Георгий Горголи, который за свой счет произвел ремонт палат.

События Отечественной войны 1812 года по существу не затронули монастыря. В нем, по счастью, поместился французский провиантмейстер, прежде состоявший на русской службе и потому с уважением отнесшийся к монастырскому достоянию. После ухода французов в Знаменском мо-

GMS 88

настыре некоторое время жил архиепископ Августин. При этих обстоятельствах удалось даже полностью сохранить монастырский архив, который был помещен в нишах ризницы и заставлен тяжелыми, неподъемными шкапами.

Ремонт монастыря после Отечественной войны носил поверхностный характер. Комиссия, занимавшаяся восстановлением Москвы, запретила какие бы то ни было достройки и перестройки. В этом отношении архитекторам пришлось противостоять архимандриту Аристарху, который в 1821 году хлопотал перед митрополитом Филаретом о сносе дома Романовых и его строительстве заново и на новом, более удобном месте.

Первым из императоров проявил заинтересованность Знаменским монастырем Александр II. В 1856 году последовало его распоряжение восстановить фамильное гнездо, открыв доступ в него как в музей.

Создание музея было поручено комиссии в составе председательствующего – князя И.А. Оболенского, директора Оружейной палаты А.Ф. Вельтмана, архитектора Ф.Ф. Рихтера, археологов И.М. Снегирева, Б.В. Кене и А.А. Мартынова. Не располагая еще данными о том, что здание построено как казенные кельи в конце XVII века и на подвале XVI (документы об этом были обнаружены только в 1865 году), комиссия решила создать нарядный типологический боярский дом с надстроенным теремом.

Закладка состоялась 31 августа 1858 года в присутствии императора. «На закладке при входе на паперть государя встретил митрополит Филарет с на престольным крестом

в руке – вкладом матери царя Михаила великой инокини Марфы. При митрополите стоял придворный протодиакон с кадилом патриарха Филарета Никитича. Под сенью хоругвей оба иеромонаха держали в руках храмовый образ Знамения Богородицы, родовой бояр Романовых, царское моление Михаила Федоровича.

В приготовленное место для закладки государем и августейшей фамилией были положены новые и древние монеты, поднесенные членами комиссии по постройке. Так, И. Снегиревым были поданы на блюде серебряные и золотые монеты чекана 1856 года, в память коронавания государя, – год, в который повелено возобновить романовскую палату; А. Вельтманом – золотые и серебряные монеты 1858 года, в свидетельство действительного начала работ для обновления этого древнего памятника; Г. Кене – золотые и серебряные монеты времен царя Михаила Федоровича в память того, что в означенном доме родился и возрос этот государь, первый из поколения Романовых; известным нашим археологом архитектором А. Мартыновым – серебряные монеты царствования Иоанна Грозного как свидетельство, что здание было построено при этом государе.

Возобновление палаты было окончено 22 августа 1859 года, и она освящена в этот же день в присутствии государя императора. Древняя боярская палата была построена в четыре этажа: первый, подвальный этаж, или так называемое в древности погребье с ледником и медушею; второй, нижний этаж, или подклетье с людской, кладовою, приспешнею, или поварнею; третий, средний этаж, или житье с се-

нями, девичьей, детской, крестовой, моленной и боярской комнатой; четвертый, где находятся вышка, опочивальня и светлица.

Все комнаты внутри были убраны старинными предметами или сделанными по старинным образцам. На восточной стороне палаты в среднем жилье выступает всячье крыльцо, или балкон, глядельня. Над ним в клейме – герб Романовых; под ним в нише – надпись на камне, начертанная уставною вязью, гласящая, при ком и когда начата и окончена постройка». Так описывает эти события М.И. Пыляев в «Старой Москве».

Выполняя царское указание, комиссия придала комнатам музея особенно богатое и не имеющее отношения к XVII веку оформление в виде новых изразцовых печей, паркетных полов, парчи с царскими вензелями, которая была изготовлена специально для обивки стен. Свод главной палаты получил роспись, а в окна вставлены зеркальные стекла. Кроме того, архитектор Ф.Ф. Рихтер, подражая строительным приемам XVII столетия, не только соорудил чердак, но и поставил со стороны двора новое крыльцо, а над зданием соорудил новую кровлю. Из очень простого по планировке здания кельи превратились в сложное сооружение. И если говорить о его исторической ценности, то это прежде всего первый образец, или один из первых, русской реставрации в XIX столетии. Ныне существующая в доме экспозиция представляет детали боярского быта, хотя до сих пор нельзя сказать, чтобы ученые имели о нем достаточно полное представление.

Палат в Москве было много, разных и в чем-то одинаковых – стиль времени всегда отчетливо выступает в перспективе прошедших лет, – но всегда бесконечно далеких от пресловутого теремного колорита.

Когда палата больше по размеру, каждая стена решается по-своему: на одной сукно, на другой тронутая позолотой и серебрением роспись, на третьей кожа. Появляются здесь в 1670-х годах и обои. Первые! За отсутствием западного товара их имитировали на грунтованных холстах (например, «образцы обьярей травчетых»), которые натягивались на подрамники, а затем уже крепились на стенах.

Но обивка служила главным образом фоном. На стенах щедро развешивались зеркала, которые только в личных комнатах еще прятались иногда в шкафах, иногда задергивались занавесками. Никакой симметрии в их размещении не соблюдалось. Размеры оказывались разными, рамы – и простыми деревянными, и резными золочеными, в том числе круглыми, и черепаховыми с серебром – отзвук увлекавшего Европу стиля знаменитого французского мебельщика Шарля Буля, и сложными фигурами, как, например, «по краям два человека высеребрены, а у них крыла и волосы вызолочены».

Зеркала перемежались с портретами, пока еще только царскими, гравюрами – «немецкими печатными листами» и картами географическими – «землемерными чертежами» на полотне и в золоченых рамах. Из-за своей редкости гравюры и карты ценились наравне с живописью.

Так же свободно и так же в рамах развешивались по стенам и «новомодные иконы». Были среди них живописные

9508

G.R.P.

на полотне, были и совершенно особенные – в аппликативной технике, когда одежды и фон выклеивались из разных сортов ткани, а лица и руки прописывались живописцем.

Потолки тоже составляли предмет большой заботы. Если их не обтягивали одинаково со стенами, то делали узорчатými. «Подволока» могла быть «слюдная в вырезной жести да в рамах». Иногда слюда в тех же рамах заменялась все еще дорогим и редким чистым стеклом.

Но в главной парадной комнате на дощатый накат потолка натягивался грунтованный, расписанный художником холст. Одной из самых распространенных была композиция с Христом в центре, по сторонам которого изображались вызолоченное солнце и посеребренный месяц со звездами, иначе «беги небесные с зодиями (знаками Зодиака. – Н.М.) и планетами».

В живописную композицию старались включать и люстры, называвшуюся на языке тех лет паникадиллом. Люстры часто были по голландскому образцу – медные или оловянные) реже хрустальные с подвесками. Встречались и исключительные паникадила: «...в подволоке орел одноглавой, резной, позолочен; из него на железе лосевая голова деревянная с рогами вызолочена; у ней шесть шанданов (подсвечников. – Н.М.) железных, золоченых; а под головою и под шанданом яблоко немецкое писано».

Но и такого многообразия форм и красок в жилой комнате казалось мало. В окна местами вставлялись цветные стекла, «стеклы с личины» – витражи, а за нехваткой витражей – их имитация в виде росписи по слюде. Именно

такая расписная слюда украшала окна спальни маленького Петра I.

Заметные перемены происходили и в отношении мебели. Сундук должен был уступить место шкафу – в XVII столетии от него уже отказываются все страны Западной Европы, кроме Голландии, скамьи, лавки – стулу. И вот столовая палата. Обычная. Одна из многих. Стулья, «опрометные» скамьи, несколько столов – дубовых и «под аспид». Пара шкафов под посуду и парадное серебро. Непременные часы, и не одни.

Остальные подробности зависели уже от интересов и увлечений хозяев – «большая свертная обзорительная трубка», птичьи клетки в «ценинных (фаянсовых. – Н.М.) станках», термометр – «три фигуры немецких, ореховых; у них в средине трубки стеклянные, а на них по мишени медной, на мишенях вырезаны слова немецкие, а под трубками в стеклянных чашках ртуть». Во многих зажиточных московских домах посередине столовой палаты находился рундук (возвышение. – Н.М.) и на нем орган. Встречались также расписанные ширмы – свидетельство проходивших здесь концертов или даже представлений.

Обстановка «спальных чуланов», которыми пользовались в зимнее время, ограничивалась кроватью, столом, зеркалами. В спальнях летних палатах к ним добавлялись кресла, шкафы, часы, ковры, музыкальные инструменты. Тут же могли оказаться «накладные волосы» – тот самый парик, который все привыкли связывать лишь с петровскими годами, насильно открытым окном в Европу.

Широкая деревянная рама на ножках, с бортами и колонками для балдахина по углам – так выглядела кровать, которой в это время пользовались во всей Европе. Немецкие мастера делали ее из орехового дерева, с богатой резьбой и вставками из зеркал или живописи на потолке балдахина. В московском варианте, появляющемся в торговых рядах бок о бок с романовским двором, она имеет несколько иной вид: «...рундук деревянной о 4-х приступех, прикрыт красками. А на рундуке испод кроватной резной, на 4-х деревянных пуклях (колонках. – Н. М.), а пукли во птичьих когтях; кругом кровати верхние и исподние подзоры резные, вызолочены; а меж подзоров писано золотом и расцвечено красками». При этом существовал вполне определенный порядок убирания подобной кровати.

В московской горнице на матрас – «бумажник» и клавшееся под подушки изголовье – «зголовье» надевались наволочки рудо-желтого – оранжевого – цвета, а на подушки – пунцового. В боярских домах их обшивали серебряными и золотыми кружевами, а внутрь закладывали «духи трав немецких». Прикрывать постель предпочитали покрывалом из черного, с цветной вышивкой китайского атласа.

«Кровать новомодного убору» не шла ни в какое сравнение по своей ценности ни с коврами – на московском торге было немало и персидских, и «индейских», шитых золотом, серебром и шелками по красному и черному бархату, – ни даже с часами. Самые дорогие и замысловатые часы – «столовые боевые (настольные с боем. – Н.М.) с минутами, во влагалище золоченом, верх серебряной вызолоченной,

на часах пукля, на пукле мужик с знаком» – обходились в семьдесят рублей, попроще – «во влагалище, оклеенном усом китовым, наверху скобка медная» – вдвое дешевле. Зато описанная кровать оценивалась в сто рублей, постель на ней – в тридцать. Атласное покрывало можно было купить отдельно за три рубля.

Имели подобные кровати бояре, но, судя по сохранившимся описям, их можно встретить и в домах попов кремлевских соборов, даже в доме часовых дел мастера, состоявшего при курантах. Шкафы, и среди них модные в Западной Европе – гамбургские, огромные, двустворчатые, с резным щитом над широким, далеко вынесенным карнизом, также хорошо известны подъячим, составлявшим описи. Подьячие свободно разбирались в особенностях изготовления шкафов, как, например: «шкаф большой дубовой, оклеен орехом». Имелась в виду ореховая фанера – материал, представлявший новинку в западных странах. Фанера появилась во второй половине XVI века с изобретением аугсбургским столяром Георгом Реннером пилы для срезания тонких листов. Не редкость и шкафы, фанерованные черным деревом, которые попросту имитировали мастера Оружейной палаты. «Чернились» наборы мебели для целых комнат – понятия гарнитуров ни в западных странах, ни в Московском государстве еще не было – и почти всегда стулья.

Конечно, бытовали тогда в московских даже очень богатых домах лавки, зато каких только не было стульев. Столярной и нередко токарной работы, с мягкими сиденьями, обивались они черной или золоченой кожей, простым «кос-

матым» или «персидским полосатым» бархатом. В домах победнее шла в ход «телятинная кожа» и сукно. Но главным украшением обивки всегда оставались медные с крупными рельефными шляпками гвозди, которыми прибивалась к основанию кожа или ткань. Считали стулья полдюжинами, дюжинами, а в палатах 1670 – 1680-х годов их бывало и до сотни.

Судьба музея в доме Романовых имела продолжение и в советские годы, когда музей перешел в ведение Оружейной палаты. С 1952 года он превратился в филиал Государственного Исторического музея, где наряду с экспозицией боярского быта в верхнем этаже устраивались также связанные с бытом, сменяющие одна другую выставки вроде «Русская вышивка» или «Русский самовар».

Что же касается строительства в продолжавшем существовать вплоть до Октября монастыре, то последним стало появление в середине XVIII века одноэтажного служебного корпуса вдоль восточной границы монастырской территории, точнее, его капитальной реконструкции в 1858 – 1859 годах под жилье для сотрудников музея, а в дальнейшем для хранения его фондов.

Последними перед Октябрем «властями» Знаменского монастыря состояли член Духовной консистории архимандрит Аристарх – настоятель, казначей – иеромонах Иннокентий, ризничий – иеромонах Евстратий, духовник – иеромонах Досифей, благочинный – иеромонах Феропонт, а также жили в нем два иеромонаха и четыре иеродьякона.

«БЕЛЮТИНСКИЕ ПАРОХОДЫ»

Сегодня они вошли в историю нашего, да и мирового искусства. О них рассказывают легенды. Работы, выполненные на них учениками Э. М. Белютина, представлены в музеях и Соединенных Штатов, и Италии, и Германии, и Франции, и нашей страны. Их почерк легко определяют искусствоведы. А началось все с простой аспирантской командировки вчерашнего фронтовика, только что закончившего Художественный институт, ученика Аристарха Васильевича Лентулова.

В годы войны Художественный институт образовался в Москве из всех студентов, имевших отношение к изобразительному искусству, но по той или иной причине не попавших в тотальную эвакуацию или вернувшихся с фронта, но главное - всех тех мастеров 20-30-х годов, которых в силу их «левизны» отстранили от общения с молодежью. Ни ценить их, ни оберегать от немцев руководители страны не собирались.

Окончивший курс с отличием недавний лейтенант, одним из первых представленных к ордену Красной Звезды, Белютин был рекомендован в аспирантуру и направлен в первую творческую командировку - фиксировать в Заонежье состояние деревянных памятников архитектуры.

Вторым в командировку был включен другой участник войны, потерявший руку, будущий директор Музея Строгановского института С. Щербов.

Бездорожье. Безлюдье. Единственный вид пайка - хлебные карточки. Транспорт - телега, если ее удавалось добиться у местного начальства, а то и пешие путешествия по бурелому в предвкушении встречи с выходящим в то время по малину хозяином местных лесов медведем. Местные успокаивали: «Он сейчас по горло ягодами сыт - человек ему не нужен». И удивительнейшие по красоте и совершенству архитектурных решений, богатству интерьерных росписей деревянные церковки. Никому не нужные. Никем и никак не охраняемые. Кое-где их расположение, соотношение можно было рассмотреть с высоты «кукурузника», если таковой у местного начальства оказывался, сидя на поставленном за пилотским местом обыкновенном стуле.

Привезенные работы увлекли не только институтское начальство, но и заказчика - Всесоюзную Академию Архитектуры. Работы из Заонежья составили первую выставку художника Белютина. Одновременно, по его просьбе, он получил возможность посещать при Академии так называемые классы усовершенствования для архитекторов. На следующий год опыт был повторен по инициативе самой Архитектурной Академии вместе с отчетной выставкой. Но профессионалов-зрителей привлекли не только темы работ, но и необычный метод, который явно заявлял о себе в листах Белютина - результат его поисков и воссоздания знаменитой среди русских художников педагогической систе-

мы П.П. Чистякова, «всеобщего учителя русских художников», по выражению В.В. Стасова.

Общий смысл устремлений П.П. Чистякова заключался в том, чтобы освободить каждого художника от той матрицы не столько видения, сколько изображения окружающего, привитой академизмом. Увидеть мир собственными глазами, найти тебе одному присущие приемы его изображения значило не только выразить себя, но и сообщить зрителю свое мироощущение.

Собственно в основе поисков Чистякова лежали послышки философии Гегеля, категорически отрицавшиеся идеологами соцреализма - штампованного, непременно благостного изображения, но не выражения чувств художника. Белютин обращается к принципам гегельянства, которые сводятся к тому, что человека отличает от всего живого и сущего на земле способность и потребность творчества - «сущность силы». Только используя свои «сущностные» - творческие силы, постоянно создавая новое, человек способен развиваться и вообще быть человеком.

Считая, что классическая школа необходима для каждого художника, Белютин на ее основе стремится открыть в каждом учащемся его особенности. В его системе, которую сравнивают сегодня во всем мире с системой Станиславского в театре, обучение складывается не из общих заданий и единого эталона, к которому они ведут, а из индивидуальных, подбираемых для каждого художника отдельно упражнений-тестов, в ходе которых живописец, по сути, занимается углубленным самоанализом. Классический тип

таких тестов - березка на опушке леса. Что она для каждого? Один вспоминает радость предстоящей за ним встречи с той единственной, которая так и не стала твоей. Другой - с будущей женой. Третий вспоминает красавец-гриб. Четвертый - прятавшегося в траве ежа, взлетевшую птицу, собственные мысли в легкую и самую тяжелую минуту. Пробудить себя и заставить заново пережить и перечувствовать собственные чувства. И это при необычайно энергичном рисунке, наполненном цвете. «Никого и ничего не вспоминать. Никаких аналогий. Только ты и поверхность изображения - самый трудный поединок, который должен постоянно выигрывать художник», - слова Белютина. И твердая убежденность Белютина: «Нет людей, не обладающих способностями в изобразительном искусстве. Есть те, кому повезло или не повезло по-настоящему раскрыться. Раскрыть индивидуальность художника - моя задача как руководителя», - убеждение Мастера.

Каждый «белютинский пароход» проводил день в Костроме. Каждый раз 250 художников, одинаково нетерпеливо ждавшие причала, возможности пуститься на поиски «своей Костромы», своего ощущения удивительного по поэтичности и ощущению связи с далеким прошлым города.

Их работы стали доступными зрителям да и товарищам по профессии по-настоящему только на огромной выставке 1990-1991 года «От Манежа до Манежа. «Новая реальность» в Центральном выставочном зале. Память о первом пароходе - работы, в прошлом выпускницы ВГИКа Генриэтты Тихоновны Бодровой «Ночь. Кострома», «Порт. Солнце».

Второй пароход. Работы выпускницы Строгановки Монны Ивановны Рачгус, Веры Арсеньевны Чебыкиной, серия выполненных в технике энкастики «Деревянных церквей» Зои Константиновны Ярцевой. Особое место одной из старейших художниц «Новой реальности» выпускницы ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа Веры Михайловны Мухар с ее большим пейзажем «Храмы Ипатьевского монастыря» и «Вечерний храм». Городские виды в прошлом выпускника Технологического института Бориса Александровича Бурмистрова и ученика Э.М. Белютина еще по Полиграфическому вошли в экспозицию на стенах Ипатьевского монастыря в 1968 году. Это «Кострома» и «Ипатьевский монастырь» Надежды Васильевны Дубенской, «Церковь Рождества Богородицы. У Ипатия» и «Тишина» Нины Васильевны Грищук, выполненные в смешанной технике «Сотворение мира» и «Ипатьевский монастырь» Владимира Андреевича Елкина, «Кострома» Аллы Константиновны Елкиной, «Дворик Ипатьевского монастыря» Галины Михайловны Королевой, «Деревянная церковь» и «Ипатьевский монастырь» Марины Константиновны Одинцовой, костромские мотивы заслуженной художницы РСФСР, в прошлом выпускницы Дулевского художественно-промышленного техникума Анны Ивановны Правиковой, выпускницы Строгановки Натальи Юльевны Ганф.

Всего в этой манежной выставке приняло участие около 400 художников и было экспонировано свыше 1000 работ. Непонятая Хрущевым «Новая реальность» была в действительности столбовой дорогой русского национального искус-

85/13

ства, свободного от зарубежных и заокеанских влияний, но и от железной узды идеологов со Старой площади.

И все равно никто из участников не забыл той самой костромской выставки 1968-го. После удачного рабочего дня захотелось еще раз посмотреть на собственную живопись в последних лучах заходящего солнца.

Волга. Стены Ипатьевского монастыря. И в их нишах работы. Свободно расставленные. Среди яркой зелени, синевы неба, тяжелого массива стен.

А на реке через считанные минуты флотилия лодок. Местные зрители нашли способ увидеть живопись гостей. Лодок становилось все больше и больше. Они скользили вдоль берега. Задерживались. Иногда разворачивались, чтобы вернуться к заинтересовавшей картине. И притишенный голос одной из них: «Понятно там или непонятно, а красотища какая. Чисто как в раю». Одна из художниц, стоявших на берегу поклонилась в пояс: «Спасибо на добром слове». И ответ: «Тебе спасибо. За радость».

ГОДУНОВСКИЙ УЗЕЛ

В ночь с 6 на 7 января 1598-го, по латинскому исчислению года, скончался царь Федор Иоаннович. Последний из рода Ивана Калиты. В западных государствах давно пересказывалось предсказание некоего немецкого звездочета: будут править Московской землей два семейства, каждое по 300 лет, после чего наступит разор и великая Смута. Первое трехсотлетие истекло. Русский престол был свободен. Почти свободен. Оставалась царица Александра, инока, принявшая постриг вдова самодержца Ирина Федоровна Годунова.

А царствовал благоверный и христоролюбивый царь и великий князь Всея России Федор Иоаннович после отца своего, царя и великого князя Всея России Ивана Васильевича, 14 лет праведно и милостиво, безмятежно. И все люди в покое и в любви, и в тишине, и в благоденствии пребывали в те годы. Никогда, ни при каком царе Русской земли, кроме великого князя Ивана Даниловича Калиты, не было такой тишины и благоденствия, как при этом благоверном царе и великом князе.

«Московский летописец». 1598.

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА ГОДУНОВА

Нет, она была не такой, как представлял ее А.К. Толстой, – богобоязненной, любящей, покорной воле брата, но и защищающей, как собственное дитя, «слабого головой» мужа. Те дни, которые приходят после его кончины, как свидетельствуют документы, открывают перед исследователями совсем иного человека – властного, мечтающего о самостоятельности, уставшего от «осторожной жизни» рядом с Федором Иоанновичем. И любопытно, что в драматургии конца XIX века появляются новые попытки нарисовать образ: не царицы Ирины – царицы Александры, готовой одеть царский венец и поверх монашеского клобука.

В личном фонде профессора Э.М. Белютина в РГАЛИ сохранились перешедшие ему от деда, художника и антрепренера И.Е. Гринева неопубликованные тексты двух монологов царицы Ирины Федоровны с пометкой на полях: «Г.Н.». Дружеские отношения художника с замечательной актрисой Малого театра Гликерией Николаевной Федотовой дают основание предположить, что рукопись несет именно ее инициалы. Возможно, именно ей предназначалась эта роль в неосуществленной постановке. В 1970-х годах монологи были прочитаны в концертном исполнении на сцене Всесоюзного Дома актера народной артисткой СССР Еленой Николаевной Гоголевой в сценарии сценического рассказа Н.М. Молевой.

Как он сказал? Да. «Вдовая царица».

И поклонился как-то странно –

Не то жалеючи, не то смеясь.
Жалеючи! Ишь слово-то какое на ум пришло!
Когда и кто кого жалел в покоях царских?
Смеялся – это верно. Как тут не смеяться!
Осьмнадцать лет Арина в теремах жила
Под страхом монастырской кельи.
Царевной да царицей величали,
А страх не отпускал ни на минуту,
Год от года все крепче брал за сердце
Да по ночам душил виденьем клобука.
Родить, вишь, не могла, наследник
Трону нужен. Да как родить от эдакого мужа!
Его младенцам не дал веку бог,
Будь матерью Арина, аль другая.
Одной лишь крови материнской не достанет
Нет, нет, о Федоре покойном
Я слова злого в мыслях не имею –
Пожил и помер, бог с ним.
Вот только вдовой сделал...
Значит, снова из терема в монашескую келью
Отвором стали двери. Места во дворце
Теперь и вовсе нет для «бывшей», для Арины.
И хитрость не поможет здесь Бориса.
Вот кабы снова принц какой сыскался,
Чтоб на престол со мной взойти,
Так поздно – время нет.
Бояре начеку, как псы сторожевые,
Да и в Борисе нет усердия былого.

Сегодня, пожалуй, он и сам не прочь
Ступени трона перемерить.
А почему бы не ему? Во мне уж нужды нет.
Ан есть, любезный братец! Без Арины
Тебе не обойтись. Коль хочешь править –
Правь, но только именем моим, царицыным.
Я царский терем не оставлю!
Скажешь – такого не бывало? Что ж, пускай.
Но будет! Слышите, бояре, будет!
И крест себе я вас заставлю целовать!
Никак возок подъехал царский!
Вон как стучат! Ворота отворяют...
Боярин вышел... Кто б это был?
Оконца за ночь позамерзли,
Так толком ничего не разглядишь.
Эй, Васка! Девки! Посох мне!
И манатейку! Живо! От брата
Посол приехал, так надобно
Принять достойно. Кресла пододвиньте!
Да что же вы, негодные, так долго!
И дверь никто не стал, как должно,
Отворять. Поди, посол уж на крыльцо поднялся,
В дверях стоит, покуда вы тут... (Голос девушки) Что?
Что ты сказала? К нам и не подумал?
Пошел и к настоятельнице прямо?
Быть не может! Смотрите лучше!
Ну, так что? (Повторяя за девушками)
Выходит... В возок садится...

Уезжает... Уехал... Значит так, Борис,
Любезный брат, великий государь
Всея Руси и всех ее земель!
Смиренная черница Александра тебе
Не надобна. О ней и память давно уж
Стерлась в чертогах царских: не было Арины!
А ты и впрямь себя царем вообразил,
Будто не мне обязан шапкой Мономаха,
Будто не Арина вот здесь,
Вот в этих-то стенах, на мужнин трон
Тебя не посадила! Пусть поневоле.
Но могла назвать другого, а назвала
Тебя! Ты кланялся, благодарил,
О крови братской все говорил,
Клялся век помнить доброту мою.
И что же? Забыл в стенах монастыря!
Ненужную сестрицу брат забыл –
Ни почестей, подарков, ни памяти
Былой царице. Стыд один от слуг,
Монахинь, от себя самой. Стыд,
Стыд и горе... Заклятья злого
Я на тебя не положу, храни господь,
Но только кто знает, как долог
Век твой, что ждет тебя, царицу
Марью, детей твоих, кто знает,
Чем отольются тебе те слезы
Обид, которым ты причиной,
Ты один, Борис!

Велик ли почет на Ивановской площади кремлевской дьяком сидеть! Может, и не велик зато чего не наслышишься, чего ни насмотришься. Терема о бок. Приказы. Монастырь Чудов. Все новостями так и кипит - успевай слушать да сообщать.

Вона даже иноземные соглядатаи поняли: что-то не задалось в годуновской семье. Что-то случилось.

Одно верно: не хотела государыня Ирина Федоровна монашество принимать. Не собиралась, болезная, кончать жизнь в монастырской келье. Перестала брату доверять. Не иначе поняла, что стала ненужной. А без его поддержки, без его хитрости, где ей на престоле удержаться. Да на каком престоле!

И то сказать, не венчали ее на царство. Всего-то, что видела исподтишка, как положено, торжество супруга. Правила и до нее Московским государством великие княгини, а как же! Софья Витовтовна, скажем. Невестка великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Так ведь каким правом! По малолетству великим князем объявленного сына, а там многие годы по его ослеплению Дмитрием Шемякой. Когда князь враги лишили Василия II, так Темным и прозванного, на богомолье, глаз. Никак в 73 года без сына обошлась, защитив Москву от татарского царевича Мазовши. Не силой - хитростью бабьей. Спугнула татар. Умудрилась дать возможность немногим нашим воинам весь его обоз захватить и пленных отбить.

Или великая княгиня Елена Васильевна. Из князей Глинских. И снова именем осиротевшего сына, будущего царя Ивана Васильевича Грозного. Воевала. Строила. В походы войско отпускала. Удельных князей делила да мирила. Иных в темницах гноила. На то и власть, чтобы свою волю без оглядки творить.

А царице Ирине Федоровне, бездетной да вдовой, на кого опереться. Чего ждать? Разве что смерти насильственной, позорной. У брата с невесткой, самого изверга Малюты Скуратова дочкой, - своя судьба, у нее - своя.

Потому когда народ потребовал, чтобы вышла царица на Красное крыльцо, не просто вышла - принародно о пострижении своем объявила. На бояр, как на будущих правителей государства Московского, сослалась - лишь бы страсти утихомирить, до бури не довести. Прямо так и сказала - откуда смелость взялась - голос не дрогнул: « У вас есть князья и бояре, пусть они начальствуют и правят вами».

Начинала-то царица хорошо, по-человечески. Не успели царя Федора Иоанновича погребсти, с подсказки брата всем заключенным в тюрьмах прощение объявила. И опальным боярам, и ворам, и разбойникам с большой дороги. Лишь бы побольше людей за государыню еженощно и ежедневно Бога молило.

Патриарх Иов не опоздал: объявил во всех церквях слова присяги. Чтобы всем людишкам царства Московского клятву на верность принести и в том крест целовать - ему патриарху, вере православной, царице Ирине, да мало того - еще и правителю боярину Борису Годунову и его детям.

Тут уж каждый понял: не станет больше Борис Годунов сестре нового супруга искать. Своему семейству к престолу дорогу прокладывать будет. А раз так, самое время годуновским козням конец положить, собрать весь народ со всех концов государства Московского на Земский собор. Избирательный - нового государя выбирать. Тут и сомневаться не приходилось: не получить Борис Годунову их согласия.

Иноземцы - что послы, что купцы твердили: великая смута поднимается в государстве. Великое, как писали в донесениях в свои страны, замешательство. Не справиться с ним Годунову. Где там! Справился костромич! Понял главную опасность - все дороги перекрыл. Никто из приглашенных на Земский собор до Москвы добраться не мог. Такого еще никогда не бывало, да боярству и в голову не пришло. Годуновским головорезам все нипочем. Платил боярин щедрой рукой, следил строго. Никому не поверил. Все сам. Всегда сам. А ведь захворал в те поры. Крепко захворал. Истопники царские рассказывали: как только крепился. Иной раз к стенке в покое привалится - коли округ никого нет - и ровно зверь раненный стонет. Руки себе в кровь кусает, чтоб не закричать.

Широко мощну открыл для тех, кто царицу Александру Федоровну что в Кремле, что на городских торгах и площадях был выкрикивать должен. А толп великих - как надежду, поди, держал, - собрать не сумел. У москвичей свой ум: ни за Годунова, ни за бояр вступаться не хотели. Разве не один черт? О царевиче Дмитрие Ивановиче толковать принялись. Будто не было никакого Углического дела. Будто не винули только что Бориса Годунова в «безвинной смерти». Кого ви-

нить? Кого казнить? Народная молва что волна морская. Нахлынет - отхлынет: ни тебе удержать, ни поперек встать...

Чудится... Может, чудится. Все равно дверь в опочивальню на засов закладывать стала. Никогда в теремах такого не бывало. Девочек и тех прогнала в прихожей спать. Они в постелю уложат - без них каждую складку полога переберешь. Под кровать заглянешь.

Веры нет. Никому. Брату тоже. Ему первому. В глаза заглядывает. Слова ласковые говорит. Чисто поет. Голос бархатный. Руки белые. Большие. Протянет - еле дрожь уймешь.

Толковал. Изо дня в день толковал: «Тебе, сестра, царицей быть. Тебе, голубушка, державой править. Нешто хуже ты великой княгини Елены Васильевны Глинской, родительницы Грозного царя? Пять лет в Московском государстве управлялась. Советов ни у кого не спрашивала. Чего один Китай-город стоит? Захотела - и построила.

Да Бог милостив - женишка тебе достойного из заморских царей-королей высватаем, от него и дитя понесешь. Будет тебе с юродивым твоим маяться. Ведь не от радости великой за него шла.

А коли замуж не пойдешь, Федора Борисовича, племянника родного наследником объявишь - плохо ли? Никто тебе не указ. Никто не угроза. Мало ты горя приняла, когда бесплодием мужниным тебя, красавицу - кровь с молоком,

попрекали? Чай, не забыла, как братец родной горой за тебя стоял, каких хитростей ни придумывал, чтобы в монастыре не оказалась. Помнишь ли, сестрица? Вот нынче и отблагадаришь. Пальцы мы с тобой одной руки - одна семья».

Верно, что одна. Без отца-матери сиротами нищими остались. Деревенька отческая, костромская, с гулькин нос - ни одеться, ни прокормиться. Половина - дядюшкина, а всего-то семь дворов. В котором боббль ютится, в котором семья бездетная век доживает. Не разживешься.

Дядюшка Годунов Дмитрий Иванович рассчитал, чем делиться с племянниками-голодранцами, лучше обоих на государев харч пристроить. Расчет куда проще! К тому же в теремах разведчики родственные еще никому не мешали. Теремная служба на них одних и держится.

Наставление дал: никто на вас думать не станет. На меня особо не полагайтесь. Сами думайте, кому как угодить, как недругов не наживать. От сплеток хоронитесь. Их же, ни Боже мой, не распускайте. Язык за зубами держите, а все примечайте, мне докладывайте. Может так случиться, что каждое словечко пригодится, золотым окажется.

Дядюшка уж как исхитрился, чтобы после смерти Наумова Постельничий приказ получить. На вид - всего-то одними сторожами командовать. Постельными, комнатными, столовыми, водочными. Дворцовыми истопниками. Да еще всей прислугой. А на деле - вся жизнь государева в твоих руках. Вечеру все покои дворцовые внутренние обойти, все караулы, что в теремах, а спать ложиться с государем. В одном покое. Для охраны.

Иначе где бы Аришке Годуновой царской невестой стать. Незнатная. Нищая. Безземельная. Только что не прислужница в теремах - спасибо, в подружки царевне Анне Ивановне взяли, а та в одночасье и преставилась. Очень по ней покойный государь Иван Васильевич убивался. О сыновьях так не думал, как дочку хотел.

Господи, о чем это я? Было... Мало ли что было! Чем братец взял: твердить начал, будто Федор Иоаннович на уговоры боярские поддаться может. Жену бесплодную, хотя и любимую, отрешить. Да какую там любимую - привычную. Как мамка али нянька для дитяти.

Он и впрямь вроде задумываться начал. Все меньше людей узнавать. Хуже ему стало. Испугалась. Не так клобука черного, как ссылки и насилия всякого испугалась. После царских хором, шутка ли! Перед Крещением ни с того, ни с сего спросил: не лучше ли тебе, Аринушка, в обитель убираться. Покой там. Благолепие. Сердце так и зашлось: а ты, говорю, государь? А я - царь, отвечает. Мне никак нельзя. Тебе одной можно.

Братец, как рассказала, вскинулся: не к добру! Как бы времени не упустить. Вот когда жалеть-то станем. Вот когда локти кусать. На злом Белом озере, в тамошних кельях-темницах. Думаешь, Арина Федоровна, помилуют? Думаешь, богатств наших не лишат, злыдни проклятые? Как волки голодные кругом расселись: ждут - не дождутся.

Никак шорох в прихожей... Шаги, нет ли... Не иначе Борис Федорович: его привычка - ровно кот крадется. Так и есть.

•

- Чтой-то опять Борис Федорович, не приносишь мне царских указов на подпись?

- С разговором я к тебе, государыня-сестрица моя любимая. Скрывать не стану – с тяжким разговором. Не хотят тебя бояре. Не хочет народ московский.

- Не хочет? А нешто других хотели? Кого ни возьми, ко всем поперек своей воли привыкали. О супруге покойном не говорю - сколько народу против него было, как бояре и митрополит горой за Нагих да их выпорка стояли. Едва-едва князя Глинские по родству своему, удержаться ему на престоле дали, пожар Всехсвятский весь город пожог. Сразу после свадьбы царской. С Анастасией Романовной. Кого народ винил? С кого ответа требовать пошел, когда государь в Воробье-еве-селе с молодой женой укрлся? Ведь бабку царскую, блаженной памяти Анну Глинскую, будто она волхованием огненное море на город навела. Дядю царского, князя Юрия Глинского, не побоялись в соборе Успенском схватить да там же насмерть и забить!

- Не о том речь, государыня-сестрица.

- О чем же еще? Может, деда супруга моего покойного вспомнишь, великого князя Василия Ивановича? Против него весь двор бунтовал. Сына деспины - второй жены Ивана Васильевича, великой княгини Софьи Фоминишны, из византийских царевен, никто признать не хотел. Да и как было признавать? Ведь был уже на царство венчан, митрополитом Московским на престол посажен, в бармы облечен, шапкой

Мономаховой коронован внук великокняжеский - Дмитрий Иванович. А что вышло?

- Всеми любимый Дмитрий Иванович в темнице сгнил, а сын деспин - при коронованном великом князе! - вновь короновался. Вспомни, вспомни, Борис Федорович! Так что значит - меня не хотят. После того как крест мне целовали?

- Целовали, государыня-сестрица, а как же - все целовали. Только это вроде как для начала. Сторяча, что ли. А теперь охолонули. Не нужно нам бабы на престоле, и весь разговор.

- А ты что же? Ты, братец, не знал? Наперед не знал, когда престолом меня смущал? Власть самодержавную сулил? Почему теперь песню иную завел? Что ж твои послы иноземные, хваленые? Королеве аглинской исправно служат, а здесь и помощи не подадут?

- Не тешь себя сказками, Арина Федоровна. Иноземцы до той поры хороши, пока ты в силе. Пошатнешься, о камушек зацепишься - первыми сбегут, не оглянутся. Не знаю, сестра, как тебе с подданными твоими справиться.

- Мне говоришь? Мне одной? А ты на что?

- Что я? Вон меня толпа снова с делом Угличским связывать стала. Тестю моему службу его верную государю Ивану Васильевичу и опричнине в вину ставят. Марье Григорьевне, боярыне моей, ни в монастырь на богомолье, ни из Кремля выехать - нигде показаться невозможно стало.

- Разве не хватит, что я, государыня, тебя ни в чем не виню?

- Ты! О тебе тоже вот кругом толкуют.

- Из-за вашего Углича?

- Зачем Углича. Из-за супруга твоего покойного. Отчего да как помер доискиваются. Тебя винят. Мне уж тебя, сестрица, спасая, сказать пришлось, что волю государя ты исполнишь незамедлительно. Жить без него во дворце не хочешь.

- Какую такую волю? Да ты что, Борис Федорович, ума решился? Не хочу во дворце жить? А где же тогда?

- Пришлось... Одним словом, что пожелал государь, чтобы жена его любимая в монастырь удалилась ото всех светских искушений и радостей. Скорбеть о нем.

- Вот оно что! Выходит, предал ты меня, Борис Федорович? Родную сестру, что за тебя всю жизнь хлопотала, предал. Все наперед рассчитал, а дуре Арине и невдомек. Супруга царственного лишился. Агнца Божьего, кроткого, безответного, чтобы ничего не получить, чем ты меня сманил. Господи! Господи, всемогущий и многомилостивый, где же правда? Правда-то где?

- погоди, погоди, государыня, суд править. Времени у нас никакого нет. Торопиться надобно. Торопиться изо всех сил. Царевич ли Дмитрий, тень его на Москву ляжет, как бы людишки к ней не потянулись. Не любят они нас. Годуновых, ох как не любят. Случая ждут, чтоб избавиться.

- Хватит, боярин! Наслушалась умных речей твоих в досталь. Поди прочь, глаза б мои больше тебя не видели, змий лукавый. Поди! Царица я еще, а ты всего-то боярин. Пока боярин. Сказала, поди!

- Аринушка, сестрица моя любимая, да нешто я тебя чем обидеть могу. Сама поразмысли. Державой править и из

монастыря можно - помнишь, как государь Иван Васильевич из Александровской слободы правил? А и клобук - в случае чего - царице надеть не значит престола лишиться. Время, глядишь, пройдет. Иов и разрешение от монашества даст. Это сейчас только. Для отводу глаз...

Большой страх обуял бояр и придворных, они все время взывали к Федору Никитичу /Романову/ и желали, чтобы он был над ними царем; народ меж тем повсюду кричал: «Сохрани Боже, царя Бориса», и почти все побежали толпой ко дворцу, и поклялись и присягнули повиноваться царю Борису: как следовало верноподданным; принял от них присягу Иван Васильевич Годунов, дядя Бориса; увидев то, все бояре также пришли и, опасаясь, чтобы народ не схватил их как изменников, стали присягать; а также Федор Никитич Романов со всеми своими братьями, и так признали Бориса Федоровича государем, а сына его царевичем и наследником; и так благодаря необыкновенной изворотливости Бориса... род Годуновых вступил на московский престол, помимо законных наследников, вопреки праву народному, закону и справедливости.

Исаак Масса.

Краткое известие о Московии в начале XVII века.

«3 сентября 1598 года состоялось венчание на царство Бориса Федоровича Годунова. К царским инсигниям /регали-

ям/ была прибавлена держава - яблоко, врученное ему после возложения венца, но до принятия скипетра».

«Из речи патриарха Иова:

И еще яблоко - знамение Царствия твоего; и яко убо сие яблоко приим в руке своей свои держиши, так и убо держи вся Царствия, зданная ти от Бога, от враг блюди и непобедимо».

Титулы царя бориса федоровича годунова:

Божией милостию, Государь, Царь и Великий Князь Борис Феодорович всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Угорский, Обдорский, Киндский, и обладатель всех всея Сибирския земли, и реки великия Оби, и Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Грузинския царь и Кабардинския земли, Черкасския и Горских князей и иных многих государств Государь и Обладатель.

В том же году царь и великий князь Борис Феодорович замыслил делать Святая святых в Большом городе, Кремле, на площади, за Иваном Великим. И камень, и известь, и сваи - все было готово и образец был сделан деревянный по под-

линнику, как составляется Святая святых.

«Пискаревский летописец». 1599

Он хотел его /храм Всех Святых/ устроить в своем царстве, так же как в Иерусалиме, подражая во всем самому Соломону, чем явно унижал храм успения Божией Матери /Успенский собор Кремля/ - древнее создание святого Петра.

«Временник Ивана Тимофеева». 1599

Лета 7108 /1600/ царь и великий князь велел прибавить у церкви Ивана Великого высоты 12 сажень и верх позлатить, и имя царское велел написать.

«Изволением Святые Троицы повелением великого государя царя и великого князя Бориса Феодоровича и сына его великого государя царевича князя Федора Борисовича всея Руси сий храм совершен и позлащен во второе лета государства их, 7108 /1600/.»

«Пискаревский летописец». 1600.

Появление около Успенского собора других кремлевских соборов приводит к смещению первоначально задуманного центра, и в 1505 – 1508 годах вместо построенной еще при Иване Калите церкви Иоанна Лествичника возводится итальянским архитектором Боном Фрязиным новая «колокольница». Благодаря необычной для тех лет высоте ее – около 60 метров – ансамбль кремлевских построек получал и свое завершение, и вместе с тем превосходную сторожевую башню с обзором на многие десятки километров.

Судя по так называемому «Петрову плану» Москвы конца XVI века, «колокольница» состояла из двух восьмигранных ярусов с аркадами для колоколов и завершалась круглым барабаном с куполом на нем. В 1532 году строитель стен Китай-города итальянский архитектор Петрок Малый достраивает к «колокольнице» четырехъярусную звонницу по типу новгородских для гигантских по весу и размерам колоколов главных кремлевских соборов Закончена звонница уже русскими мастерами в 1543 году. Внутри нее располагалась церковь Рождества Христова «иже под колоколы». Образовавшаяся группа построек замкнула перспективу Соборной площади с востока и отделила ее от соседней – Ивановской площади.

В отношении причин очередной надстройки «колокольницы» в 1600 году мнения историков расходятся. Одни считают, что это решение Бориса Годунова было вызвано усиленным ростом города, когда только увеличенная колокольня могла по-прежнему царить над ним, возникая, как описывали современники, перед путниками за десять с лишним верст до Москвы. Для других исследователей – это одно из проявлений развитой Годуновым строительной деятельности, которая должна была популяризировать начинающуюся с Бориса новую царскую династию. Несомненно и то, что царю важно было занять работой массы разоренных посадских людей и собравшихся в Москве беглых со всех концов страны.

Задуманный Борисом Годуновым грандиозный храм, подобный церкви Вознесения в Иерусалиме должен был

стать центром Кремля, и, чтобы освободить необходимое для него место, царь готов был пожертвовать даже Успенским собором. Началась заготовка строительных материалов, была выполнена модель, и не исключено, что высота «колокольницы» устанавливалась относительно размеров будущего собора. Во всяком случае, под куполом ее осталась выведенная золотом на медных листах знаменательная надпись: «Изволением святыя Троицы повелением великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси самодержавца и сына его благоверного великого государя царевича Федора Борисовича всея Руси сий храм совершен и позлащен во второе лето господарства их 7108 [1600]».

По предположению некоторых исследователей автором последней надстройки стал Федор Конь – строитель знаменитого смоленского кремля и девятикилометровых стен московского Белого города с их 27 башнями и 10 проездными воротами (на линии современного Бульварного кольца столицы).

Надстройка была завершена сильно вытянутым барабаном и главой, которую образовали железные стропила, покрытые крепленными на винтах золочеными и медными листами. Семиметровый крест, венчающий купол, сделан из дерева, обитого золоченой листовой медью.

Неслыханная высота столпа – 81 метр – дала колокольне имя Ивана Великого (в первом ее ярусе осталась церковь во имя Иоанна Лествичника), современникам позволила обвинить Бориса Годунова в превзошедшей все человеческие понятия гордыне: «...на самой верхней главе церковной, ко-

торая была выше всех других церквей, к прежней высоте которой он, равняясь с нею гордостью, сделал в начале своего царствования большое прибавление и верх которой позолотил, – она и теперь блестя, существует и всеми видима, превосходя своею высотой другие храмы... на вызолоченных досках золотыми буквами он обозначил свое имя, положив его как некое чудо на подставке, чтобы всякий мог, смотря, прочитать крупные буквы, как будто имея их у себя на руках».

Но чем бы ни руководствовался Борис Годунов в строительстве Ивана Великого, в последующее время появляется тенденция сохранить за столпом исключительность его размеров. Царь Михаил Федорович издает указ, запрещающий возводить церкви, превосходящие по высоте Ивана Великого.

Столп Ивана Великого демонстрировал и блестящую для своего времени строительную технику. Он выстроен из кирпича с применением деталей из белого камня. Белый камень использован и в цоколе и в достигающем десятиметровой глубины пирамидообразном фундаменте. Стены имеют в первом ярусе толщину 5 метров, во втором – 2,5, а в годовской надстройке – 0,9 метра. Соответственно лестница в первом ярусе находится в толще стены, во втором проходит по центру (винтовая), а в третьем – по внутреннему периметру стены. По всей высоте в кладку введены для прочности переплетающиеся железные связи.

В 1624 году группа Ивана Великого была дополнена по заказу патриарха Филарета примкнувшей к звоннице Петрока Малого Филаретовской пристройкой. Возведенная Баже-

ном Огурцовым, она во втором и третьем ярусах использовалась как патриаршая ризница.

Есть немалые противоречия в сообщениях современников об окраске Ивана Великого. Один из опричников Грозного утверждал, что столп был красным кирпичным, однако обследование, проведенное еще во второй половине XVIII, века московскими зодчими Петром Никитиным и Иваном Мичуриным, этого не подтвердило. По их заключению Иван Великий всегда был побеленным.

В 1812 году отступавшие французские части делают попытку уничтожить колокольню. При взрыве были разрушены Филаретовская пристройка и звонница Петрока Малого, но самый столп Ивана Великого устоял, дав единственную трещину в круглом барабане. В 1814 – 1815 годах вся его группа была восстановлена по проектам архитектором И. Еготова и Л. Руска под наблюдением И. Жиллярди-отца, причем во внешней декор ансамбля были введены характерные для классицизма детали.

Сияющее в небе чело Ивана Великого – образ рождающийся у Рылеева. Часовой в белой одежде и золотой шапке, приставленный Борисом Годуновым сторожить покой Кремля, – так видится он Герцену. Для Полежаева это сказочный великан Бриарей, спорящий с громами. И вот сегодняшний день Ивана Великого.

Бабушка Ивана Егоровича Гринева.

МЫ - КОСТРОМСКИЕ

Галич... Совсем особое слово в семейном обиходе. Оно звучит каждый раз как речь заходит о деде – ушедшем еще в 1919 году Иване Егоровиче Гринева. А как не помянуть Ивана Егоровича, когда живешь в стенах, заполненных делом его рук – полотнами и досками голландцев, нидерландцев, фламандцев, итальянцами XVI – XVII веков. Они стали частью обстановки обычной московской квартиры, но и частью внутренней жизни ее обитателей.

Мечта Ивана Егоровича определилась, когда ему еще не исполнилось тридцати: общедоступный музей самого высокого уровня. Последняя четверть XIX века собирательством увлекались многие и главным образом купцы, предприниматели, вчерашние крестьяне Шукины, Морозовы, Хлудовы... И кто знает, как сложилась бы история импрессионистов внутри истории мирового искусства, если бы не влюбленность в них Щукина. Это русские вчерашние крестьяне, в большинстве старoverы, ездили во Францию скупать их работы, а Щукин и вовсе пригласил в Москву Анри Матисса, украсил его панно свой особняк на Пречистенке да еще сумел в полном смысле слова «влюбить» в древнюю иконопись.

Слов нет, выходец из тихого Галича следовал духу времени, но в одном он был единственным и неповторимым. Все

мечтавшие о создании музеев собиратели тех лет обладали большими или просто достаточными капиталами. Иван Гринев тратил на свою мечту ежемесячный заработок. Ни капитала, ни недвижимости у него не было. До семидесяти с лишним лет не женился («жена дорого обходится», его слова). Отцом и семьянином стал, когда многие ровесники были прадедами.

«Гриневская крепость» – московское обиходное название местности между улицами Красносельской и Краснопрудной и товарным двором Ярославской ж.д., на землях засыпанного Красного пруда (ныне – 2-й, 3-й, 4-й Краснопрудные переулки). По имени домовладельца. Известна с середины XIX в. (из записей историка Москвы П.В. Сытина. 1921).

Село Красное раскинулось на высоком берегу пруда, названного Великим: площадь его равнялась площади Московского Кремля. Вытекавшая из пруда речка Чечёра с каскадом маленьких запруд пересекала самый древний тракт, соединявший Московскую Русь с Суздальской землей – через село Стромынь, Юрьев-Польский, Суздаль – к Владимиру. После Мамаева побоища в том же направлении будет продолжена другая дорога, Владимирка, – через Богородск. Более короткая, но и опасная: до кружного Стромынского тракта не доходили никакие иноземные нашествия.

В летописях пруд упоминается с 1423 года, село – с 1462-го. Красносельцы были людьми очень состоятельными. Может, потому и вмешивались постоянно в московские дела, первыми приняли посланцев Самозванца с «преlestными письмами», направились вместе с ними свергать Го-

дуновых и продолжали бунтовать всё Смутное время. Согласно первой московской переписи 1620 года в селе насчитывалось 138 тяглых дворов и была деревянная церковь Всемирного Здвиженья.

Через Красное село лежала дорога в Преображенское, и остаться равнодушным к зеркалу Великого пруда юный царь Петр не смог. Он любил ходить здесь под парусом, поставил свой загородный двор. Вслед за ним сюда переехала царевна Наталья Алексеевна, позже – полковой боярин Алексей Семенович Шеин и Автоном Головин, участвовавшие в осаде турецкой крепости Азов в 1696 году, обер-сарваёр, иначе – главный кораблестроитель, Иван Михайлович Головин, сподвижник Петра Александр Меншиков и довереннейший кабинет-секретарь Макаров, наконец, князь Яков Долгорукий (после того, как бежал в 1711 году из шведского плена, прихватив с собой шведский фрегат) и князь-кесарь Ф.Ю. Ромодановский. Под покровительством царевны Натальи завела в Красном собственный двор еще не венчанная супруга царя будущая Екатерина I.

Была еще одна причина, привлекавшая Петра в Красное село. На Троицу – в Семик сюда приезжали на гулянья не только со всей округи, но и из Москвы. Жизнь вокруг Великого пруда была ключом. На западном берегу стоял Новый пушечный, иначе – Полевой артиллерийский двор, где после первой своей заграничной поездки, Великого посольства, Петр казнил стрельцов. Некоторых – собственноручно. На южном – теснились балаганы, качели, увеселительные заведения.

Сын Аглаи Васильевны Гриневой.

Ефросинья Васильевна Гринева (тетя И.Е.Гринева).

В 1716 году умерла сестра Петра Наталья Алексеевна, и село лишилось своей главной покровительницы, однако осталось развлекательным центром. В то время как Елизавета Петровна строила Оперный дом в Лефортове на пять тысяч мест, итальянский антрепренер Джованни Локателли возводил собственный театр на четыре тысячи зрителей в подлинном, по его выражению, театральном центре Москвы – у Великого Красного пруда. В 1758 году для этого театра из Италии были выписаны танцовщики, машинисты, декораторы. Наряду с итальянской труппой здесь два раза в неделю выступала студенческая труппа Московского университета, в которую входили Фонвизин, Плавильщиков, Я. Булгаков, будущий университетский профессор П.П. Страхов и др. На эти – русские – спектакли билеты и, соответственно, ключи от лож следовало получать в университете. Но москвичей не смущали представления и на итальянском языке, среди которых особенно шумным успехом пользовалась опера «Граф Карамелла». Здесь же Д. Локателли познакомил московскую публику с первым «машкерадом». Вскоре деревянное здание театра разрушилось, как свидетельствуют документы, от «великого поспешения» при строительстве и от не менее «великого напору» местных театралов.

Локателли оказался не очень удачливым антрепренером. К концу жизни он разорился, но на родину не вернулся, а уехал в Петербург, где стал преподавать в театральной школе французский и итальянский языки, как и некоторые члены его труппы, которые обосновались в окрестностях Красного села, к этому времени совершенно изменившегося.

Когда дворцовые слободы, к числу которых принадлежало село, освободили от натурального тягла, многие красносельцы стали купцами и перебрались в Москву. Стромынский тракт теперь был исключительно грузовым: по нему доставлялись товары на Нижегородскую ярмарку. Хозяева же товаров предпочитали ездить по Владимирке. Дворы соратников Петра давно были перепроданы.

Гринева – русский дворянский род. Происходит от Сергея Гринева, пожалованного за московское осадное сидение (1608) вотчиною. Потомство его внесено в VI часть родословной книги Орловской губернии (Гербовник, VII. 39).

Пожар 1812 года коснулся и Красного села, уничтожив прибрежную его часть. Тогда-то и пришли на опустевшие земли новые владельцы и среди них Гринева. «Исторический путеводитель по Москве» 1831 года сообщал, что место это «точно походит на село: дома рассеяны, малы, деревянные и совсем без плана расположены, но зато при многих домах имеются сады или обширные огороды». Здесь и начал возводиться Алексеевский женский монастырь, переведенный из Чертоля в связи с задуманным Николаем I строительством храма Христа Спасителя.

У этой обители трагическая судьба. Когда-то митрополит Петр основал ее на будущей Остоженке для своих сестер, чтобы доказать, что после возведения, по его совету, оборонного вала на пути от Крымского брода к Кремлю место это стало безопасным. Нашествия с этой стороны на самом деле прекратились, но монастырь вскоре сторел и был перенесен в Кремль. Покончив с опричниной, Иван Грозный запретил

упоминать о ней и даже снес дома опричников в Чертолье, а на их место решил перенести Алексеевскую обитель (где жил и был погребен Малюта Скуратов).

Только память о безотказных исполнителях лихой царской воли всплыла снова. В монастырь перевели Пытошный двор для женщин. Сюда привозили на допросы боярыню Морозову. Здесь поднимали на дыбу ее сестру княгиню Евдокию Урусову. Казалось, тем легче было императору Николаю I распорядиться об очередном переносе монастыря: архитектору Константину Тону предстояло придать новый облик Москве – в Кремле новый дворец, по одну сторону от него грандиозный храм-колокольня в Симоновом монастыре, по другую – храм Христа. Ансамбль охватывал город по излучинам Москвы-реки. Местом для древней обители было назначено Красное село. Точнее, место храма Всемирного Движенья.

Выделенный участок земли оказался очень мал. Никто не предполагал, что монастырь так быстро разрастется. С 1850-х годов здешние дворы стали дробиться на все более мелкие. Среди домовладельцев сократилось число дворян, преобладали представители духовенства и купеческого сословия, хотя все еще продолжали жить служилые и иностранцы. Чтобы увеличить территорию монастырского кладбища, Гриневы (сначала Георгий Васильевич, позднее его сын Иван, называвший себя Егорычем, и дочь Ираида Георгиевна, по мужу Попова) передали ему несколько участков своей земли «на вечное поминовение родных».

Впрочем, и на этом месте Алексеевскому монастырю не суждено было сохраниться. В начале 1930-х годов часть пост-

роек была разобрана в связи с реконструкцией города, а на месте кладбища по решению Н. С. Хрущева разбили Детский парк Железнодорожного района. Остальное было уничтожено во время строительства Третьего транспортного кольца.

Служивший «по судебному ведомству» Георгий Васильевич Гринев поставил дом в стороне от шумного тракта, на заросшем лещиной берегу пруда, где в дымке осеннего ненастья его не раз будет писать скромный московский пейзажист Лев Каменев. Эти места с легкой руки Саврасова художники признают едва ли не самыми живописными в Москве. Одинокие черные домики. Отсыревшие деревья. Тусклое зеркало воды. Туман...

Об увлечении своих первых наставников расскажет в гриневском доме много лет спустя Константин Коровин... Дом был длинным, одноэтажным, с крохотными антресолями со стороны просторного, окруженного хозяйственными службами двора: конюшня, каретный сарай с сенником, поварня, просторная погребница, собачья будка у тесовых ворот, лавочка у калитки с тяжелым чугунным кольцом вместо звонка. Шестнадцатилетняя Люси Познякова (в замужестве Гликерия Николаевна Федотова) – ее будущий свекор, судебный следователь, был в приятельских отношениях с Георгием Васильевичем – запишет в дневнике, что жили эти люди в Москве совершенно как помещики средней руки в деревне – открыто и гостеприимно, у них хотелось гостить.

«Милый друг Иван Егорович! – писала Г.Н. Федотова И.Е. Гриневу в 1896 году. – Спасибо за письмецо и ласку, что не забываешь старуху. Думать о своем прошлом после кон-

Аглая Васильевна Гринева (тетя И.Е.Гринева).

чины Саши (ее мужа, А.Ф. Федотова) нету сил, а ты приписал: «Мадемуазель Люси Позняковой», и так сразу на душе потеплело. Вспомнился домик Филиппа Александровича и Варвары Владимировны у Пресненских прудов, где мы так славно в 16 лет у елки веселились, и сад у Михаила Семеновича [Щепкина] в Мещанской, где в горелки бегали и малину щипали. И матушку твою красавицу как сейчас перед глазами вижу... Твоя Гликерия Федотова».

Матушку, супругу Георгия Васильевича, звали Анастасия Федоровна. Ее почти миниатюрный портрет хранился в кабинете сына. На обороте стояла авторская подпись «П. Федотов». (О родстве художника с Федотовыми «с Пресни» неизвестно. Вероятно, они просто однофамильцы.)

Юная женщина в глубоком трауре. Почти суровый открытый взгляд. Припухшие губы. Широкий разлет бровей. Темные, чуть раскосые глаза. Высокий чистый лоб. И единственная дань моде – у виска завиток черных, как вороново крыло, гладко зачесанных волос. Чувство затаенной обиды. И растерянности.

Вдовушка. Сходство с другим портретом кисти этого же художника было неотразимым. По образу. И по деталям – так же написан завиток на портрете поэтессы Евдокии Рас топчиной, который называется «Вдовушка». Художник в тот раз вынужден был приехать в Москву из-за вдовства любимой сестры, «востроглазой Любочки». Внезапная кончина мужа, мелкого чиновника Сиротского суда Василия Ильича Вишневого, оставила ее без средств к существованию. С малолетним сыном и на последнем месяце беременности.

Судьба Анастасии Федоровны оказалась сколком с судьбы Любочки. Замужество в шестнадцать лет. Первенец Василий, родившийся в 1843 году. Иван, появившийся на свет тремя годами позже. Дочь Ираида, не успевшая увидеть отца.

Георгий Васильевич и покойный В.И. Вишневецкий могли знать друг друга по службе. А повторившаяся в Гриневской семье трагедия сестры вряд ли оставила равнодушным художника. Сам Павел Андреевич Федотов год спустя умер в больнице для душевнобольных. Из последних ясных воспоминаний сохранялись долгие разговоры с Гоголем в доме Ростовичиных: «Приятно слушать похвалу от такого человека! Это лучше всех печатных похвал!»

Федотовы «с Пресни» и Гриневы «с Красносельской» несколько раз в году наносили друг другу визиты, брали с собой детей. У Федотовых Иван Егорович увидел свою ровесницу Люси Познякову, ученицу театрального училища, которую на правах невесты сына привозила в свой дом на праздники Варвара Владимировна. Ее сценическое будущее никого не пугало. Наоборот, в театре супруги Федотовы видели единственное спасение для своего сына Александра Филипповича. Его участие в студенческих волнениях могло оказаться роковым.

Осенью 1861 года он стал одним из организаторов сходки протеста московских студентов по поводу закрытия правительством Петербургского университета и манифестации на могиле Грановского. Вместе со своими товарищами Александр Федотов был арестован, а затем исключен из универси-

тета. Выступившие в защиту арестованных без малого шестьсот студентов были жестоко избиты полицией. Александру едва исполнился двадцать один год.

Союзу юных влюбленных, против которого не возражали родители жениха, мешало лишь одно обстоятельство: Люси Познякова еще не закончила училище и потому не могла рассчитывать на необходимое для актрисы казенной сцены разрешение начальства на брак. Ни родителей своих, ни родных Люси Познякова не знала. В ее памяти сохранились лишь тень отца и некая красивая богатая дама, определившая ее в немецкий дорогой пансион «под именем Позняковой». Реальностью оставалась лишь няня Мавра Егоровна. Деньги на обучение перестали поступать только в момент зачисления молодой актрисы в труппу с очень высоким окладом, о котором хлопотал сам Щепкин. Люси с капризной ноткой отметила в дневнике, что в доме у Пресненских прудов переднюю называют лакейской, хотя никаких лакеев нет, а две служанки и некрасивы, и неопрятны.

В ту зиму 1862/63 года, перед выпуском Люси, Ваня Гринев бывал у Федотовых и без Анастасии Федоровны. Весной Люси и Александр обвенчались, перебрались в собственную маленькую квартирку в Глинищевском переулке, а потом уехали за границу. В бумагах Ивана Егоровича сохранились афишки бенефисов Гликерии Николаевны Федотовой: 5 октября 1864-го – «Ромео и Джульетта», 15 октября 1865-го – «Много шума из ничего», 4 ноября 1866-го – «Ересь в Англии» П. Кальдерона.

А спустя сто с лишним лет внук И. Е. Гринева нашел

среди вещей домашнего музея бархатную коричневую душегрейку с приколотой запиской о том, что в этой душегрейке отыграла в последний раз Гликерия Николаевна свою Катерину в «Грозе» А.Н. Островского. Роль была любимой. Расставалась с ней актриса трудно. Может быть, не захотела больше видеть костюма. Рядом лежали концертные перчатки и веер, с которым, как свидетельствовала другая записка, она играла 19 ноября 1869 года в пьесе А. Дюма-отца «Мадемуазель де Бель-Иль». И две шитые гладью потертые наволочки с подушек, которые для удобства подкладывали не оставившей уже кресла парализованной актрисе.

Внук передал эти вещи в Бахрушинский музей. К дару прибавилась и черная кружевная концертная блузка Федотовой, приобретенная Гриневым на благотворительном аукционе в пользу приюта для престарелых актеров.

«...Вспомнила рассказы о празднике Монте-Кристо каком-то, – писала Г.Н. Федотова И.Е. Гриневу в 1896 году, – где наш добрейший Федор Карлович [Вальц] отличился. Вас по молодости туда не пустили, и вы из экипажа сквозь решетку смотрели. Кто-то из братьев Саша [А.Ф. Федотова] тебя туда возил».

Праздник назывался «Ночь графа Монте-Кристо» и был устроен Москвой в честь впервые приехавшего в старую столицу Александра Дюма-отца в саду «Эльдорадо» (в конце улицы Новослободской). После выхода в свет романа «Учитель фехтования» (о декабристе Анненкове и француженке-модистке Полине Гебль) Николай I запретил пускать Дюма в Россию. Но когда императора не стало, исчез и за-

прет на «Учителя фехтования». Москва могла дать волю своим восторгам. А. Дюма признался сыну, что если бы раньше попал в эту удивительную страну, иначе написал бы своего «Монте-Кристо».

В «Эльдорадо» было всё. Несколько оркестров и в том числе военных. Разнообразные хоры – русские, тирольские, цыганские и пр. На пруду гондолы с итальянскими певцами. Но главное – световые и пиротехнические эффекты, придуманные не знавшим соперников в своем деле «машинистом»-постановщиком московской казенной Сцены Федором Вальцем: впервые в Москве загоревшиеся электрические лампы (шел 1858 год), фантастический фейерверк с вензелями писателя и сценами из его романа. Юный Ваня Гринев окончательно и бесповоротно решил пойти по стопам Федора Вальца.

В ремесленном по существу своему обучении возраст не был помехой. Всего четырем годами раньше приглашенный из Петербурга в Москву для оборудования сцены отстраиваемого после пожара Большого театра Федор Вальц сразу по переезде отправил своего восьмилетнего сына Карла в Дрезден: одновременно с занятиями в общеобразовательном пансионе брать уроки театрально-декорационной живописи у профессора Отто Рама из Королевского оперного театра. В десять лет Карл Вальц стажировался у профессора Берлинского королевского театра Карла Гроппиуса, а в пятнадцать был принят в штат художником-декоратором Большого театра. Ваня Гринев стал помогать второму машинисту московской казенной сцены – Тимофееву.

У Вальца-старшего удавалось учиться только издали, а вскоре он умер; в 1869 году его место главного машиниста занял Карл Вальц, по-приятельски относившийся к своему московскому сверстнику.

Но при всем том, что Иван Егорович был связан с Конторой императорских театров, он не находился на положении служащего. Полученные после смерти отца средства позволяли сохранять независимость, которой Гринев очень дорожил. Унаследованная им земля росла в цене: Москва менялась, заметно менялись и окрестности Красного пруда. В 1862 году рядом с Николаевским вокзалом появилось первое здание Ярославского вокзала, которое в начале XX века сменило другое, построенное по проекту Ф.О. Шехтеля. В конце 1870-х годов от площади вокзалов до Красносельской была высажена аллея из двухсот специально привезенных голландских лип. От Гаврикова переулка до нынешней Стромьнки ее продолжили садовые дорожки, обсаженные шестью с половиной сотнями берез вперемежку с редкими липами. Через десять лет по бывшему тракту пошла конка – от Сухаревой башни до Богородского, а в начале XX столетия – трамвай. Появились булыжная мостовая, керосиновые фонари. Гриневы не расставались с принадлежавшими им земельными участками – откуда и пошло название «Гриневская крепость» – и стали строить на них доходные дома. Поэтому Иван Егорович мог себе позволить так сблизившее его с Карлом Вальцем увлечение – собирательство.

В 1885 году К. Вальц подарил ему книгу П.П. Семенова

(Тян-Шанского) «Этюды по истории нидерландской живописи на основании ее образцов, находящихся в публичных и частных собраниях Петербурга» (с надписью «Доброму другу Ивану Егоровичу Гриневу с наилучшими пожеланиями на день Ангела»). Подобно большинству искусствоведческих изданий того времени, в книге не было иллюстраций, их заменяли превосходные литературные описания картин и наброски портретов художников. Но главное, в ней были факсимильные подписи.

Может быть, даритель откликнулся на увлечения Гриневы, а может, на обстановку старого гриневского дома – во 2-м Краснопрудном переулке. Брат и сестра Ивана Егоровича обзавелись собственными домами по соседству, сам он предпочитал жить с матерью. Первый брак с сестрой кондитерских фабрикантов Абрикосовых не сложился. Супруги почти сразу разошлись, но не разводились. Причины этого в семье не обсуждались. Иван Егорович считал себя вправе по-новому устроить свою жизнь только после кончины супруги, когда он уже разменял шестой десяток.

В комнатах по-прежнему царил полумрак. Густая тень кружев на окнах. Навощенные до зеркального блеска полы. Мягкая мебель под полотняными чехлами. Тканые дорожки. Кадки с раскидистыми латаниями в гостиной. Этажерки с нотами у маленького прямострунного рояля. И на стенах небольшие, потемневшие до черноты голландские пейзажи в позеленевших от старости золоченых рамах. Это на них оказались две воспроизведенные в книге подписи.

«Ночной базар» Эгберта Ливена Ван дер Пуля – осве-

щенные жарким внутренним светом лавчонки с толпами покупателей под затянутым грозовыми облаками, едва тронутым проблесками луны небом. По словам Семенова-Тянь-Шанского, художник написал картину под впечатлением от взрыва порохового склада в Дельфте в 1654 году.

И снова вид ночного Дельфта, но уже в спокойном лунном свете, кисти Яна Меерхуда – художника, только что открытого немецкими специалистами и чрезвычайно редкого даже для западных собраний. Радость открытия и азарт поиска оказались непреодолимыми. Тем более что их разделяли многие товарищи Гринева по театральной службе.

Правда, сам Карл Вальц предпочитал все, связанное с «театральной машинерией», – чертежи, эскизы, макеты, модели, инструменты, необходимые для создания сценических чудес, в том числе модель противопожарного устройства собственного изобретения, когда нажатием одной кнопки воздвигалась водяная стена по всему периметру сцены Большого театра. Были в его коллекции и эскизы театральных декораций.

Другое дело ставший в конце 1880-х годов главным художником Московской конторы императорских театров постоянный гость гриневского дома Анатолий Васильевич Гельцер. Иван Егорович много работал с ним и помогал оформлять драму И.В. Шпажинского «Чародейка», которая стала либреттной основой одноименной оперы П.И. Чайковского. Постановка оказалась настоящим откровением для театральной Москвы благодаря необычайно убедительному воспроизведению обстановки и быта Новгорода XV

века, когда каждая мелочь была выверена по музейным собраниям.

В начале нового столетия современники Анатолия Гельцера разойдутся в оценках его работ. Затеявший реформы новый администратор казенной сцены Теляковский начнет с отставки Гельцера как «присяжного декоратора Большого театра». Ю.А. Бахрушин, видевший «Спящую красавицу» в оформлении Анатолия Васильевича, напишет в воспоминаниях: «Бессмертная панорама Гельцера заставила меня забыть, что я в театре». Но, несмотря на капризы художественной моды, Анатолий Гельцер коллекционировал именно живопись, как и его старший брат Василий Федорович, который и в шестьдесят лет танцевал в балете Большого театра характерные партии, вроде феи Карабос в той же «Спящей красавице».

Профессиональное долголетие, как и азарт к собирательству, унаследовала от отца и дяди знаменитая прима-балерина Екатерина Васильевна Гельцер (ей было уже за семьдесят, когда она исполняла концертный номер в зале Чайковского – единственную сложность для примы представляла лестница, с которой ее бережно сводили два партнера). Екатерина Васильевна рассказывала, каким неуступчивым при покупке понравившейся ему картины бывал «этот огромный Гринева», когда они с ним сталкивались в Леонтьевском переулке – центре антикварной торговли Москвы. А в поздравительных пасхальных и рождественских открытках они желали друг другу удачных приобретений. И побольше!

Поддерживал Ивана Егоровича и в его театральной работе, и в своеобразном увлечении человек, который представлялся Гриневу душой Малого театра, во всяком случае, на протяжении всей второй половины XIX века, – Сергей Антипович Черневский.

Это время породило блестящую плеяду актеров: Щепкина и Южина, Самарина и Ленского, семьи Садовских и Музилей, Медведеву, Ермолову, Федотову – всех не перечить. Все они играли в постановках Черневского. Создавая спектакль, этот режиссер первым начал разрабатывать массовку, добиваться от каждого ее артиста активного и осмысленного соучастия в действии. И это были принципы если не подсказанные, то, во всяком случае, одобренные Щепкиным: Сергей Антипович был женат на внучке великого артиста Александре Петровне Щепкиной, четверть века игравшей на сцене Малого театра.

Через много лет другая Шурочка Щепкина, праправнучка Михаила Семеновича, оказавшись в гостях у Гриневых-Белютиных на Никитском бульваре, будет рассказывать о полужаветах-полуприказах прадеда: в искусстве важен только труд, отчаянный, до седьмого пота, о добросовестности которого только сам и можешь судить. Именно судить. «Ведь аплодисменты – что? Хорошо человек пообедал, известие приятное получил, сделку выгодную устроил – вот ладошки и отбивает, а ты-то ведь знаешь: недотянул. Мог, да недотянул. Какие уж здесь «браво». Иди домой потихоньку и казнись. И хвост распускать в искусстве нечего. Такое только бездарям дано. По хвостам их и видишь».

Однако скромного и очень требовательного к себе Михаила Семеновича в его семьдесят с небольшим лет администрация казенной сцены держала в постоянном страхе расторжения контракта. Когда же в восьмидесятых годах XX века умерла последняя из знаменитой династии Щепкиных, скромнейшая Александра Александровна, всю жизнь прослужившая в Малом театре, на ее панихиду пришли всего несколько актеров. Новая администрация Дома Щепкина не сочла нужным отдать ей последние почести.

В 1852 году Сергей Антипович Черневский стал режиссером Малого театра, а с 1879 по 1901 год служил главным режиссером этой сцены. Именно он подал Гриневу идею об антрепризе, позволяющую осуществить Ивану Егоровичу давнюю мечту – возродить театральные представления XVII столетия, прежде всего «Пещное действо», которое предполагалось ставить в подлинных костюмах и с соответствующим реквизитом, с текстами, восстановленными профессором Московского университета Петром Осиповичем Морозовым.

Впервые Иван Егорович взялся за самостоятельную антрепризу в начале 1890-х годов, арендовав под нее театр «Скоморох», стоявший тогда на месте особняка Морозовых (ныне – Дом дружбы народов). Постановки стоили баснословно дорого. Довести сезон до конца не удалось. Второй раз Гринева предпринял такую попытку в начале 1900-х. В качестве художника он пригласил только что окончившего Московское училище живописи, ваяния и зодчества Константина Федоровича Юона, после того как его акварель «Но-

водевичий монастырь» приобрела Третьяковская галерея.

Кипучая деятельность Юона сделала его знаменитой фигурой в художественной жизни Москвы. Будучи членом студенческого дискуссионного клуба в Стрелецком переулке, он предложил тут же на столах экспонировать и продавать эстетствующим любителям студенческие работы. Через два года после окончания Московского училища он вместе с художником И.О. Дудиным открыл на Арбате школу живописи и рисования. И хотя оба художника не могли предложить учащимся стройной, академически выверенной системы обучения, они выигрывали в том, что принимали учеников независимо от степени подготовки и одаренности, распределяли их по группам в зависимости от их способностей и занимались с каждой отдельно. Предложение Гринева пришлось Юону по душе. Однако и эта постановка продержалась в «Скоморохе» всего один сезон.

По-настоящему же Юон связал свою судьбу с театром только через десять лет. В 1910 году он оформил спектакль по пьесе Островского в театре Незлобина, несколько спектаклей в Большом театре, в том числе ставших классическими «Бориса Годунова» и «Хованщину». В советские же годы много лет работал главным художником Малого театра.

Между тем ко времени второй самостоятельной антрепризы у Ивана Егоровича появился крут близких ему по духу людей. Среди них библиотекарь Московской казенной оперы Николай Федорович Мамонтов, макетчик Большого театра Георгий Васильевич Кичин, над барскими замашками которого подтрунивали друзья: Кичин снимал огром-

ную квартиру в одном из роскошнейших доходных домов Москвы, на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка. Самым молодым членом этого круга был Михаил Михайлович Мордкин (или просто Миша) – талантливый танцовщик, вскоре получивший место помощника балетмейстера и начавший преподавать. Особо почитаемым был Василий Петрович Шкафер, выдающийся певец, соперничавший в «Борисе Годунове», где исполнял роль Шуйского, с самим Шаляпиным. Василий Петрович перешел на казенную сцену из мамонтовской Русской частной оперы одновременно с художником Константином Коровиным. В годы Первой мировой войны он исполнял обязанности главного режиссера Большого театра. В записных книжках Ивана Егоровича сохранился и его адрес (Шкафер жил в одном доме с Антониной Васильевной Неждановой) – Никитский бульвар, дом 8, и телефон – 290-21.

После неудачи с антрепризой Иван Егорович решил осуществить другую свою мечту – превратить коллекцию западноевропейской живописи XV – XVII веков в музей. В те годы такие проекты вынашивали многие московские собиратели – в частности, Афанасий Васильевич Бурышкин, глава Торгового дома мануфактурных товаров, купивший ампирный особняк в Антипьевском переулке для фамильного музея истории Москвы. Правда, настоящую ценность собрание фабриканта приобрело только после присоединения к нему коллекции хранителя Эрмитажа, видного искусствоведа князя В.А. Аргутинского-Долгорукова. Тем не менее Бурышкину не суждено было воплотить свой замысел. Хотя город полу-

чил бы по завещанию и сам дом, и значительный капитал на его содержание, городская управа отвергла дар, не согласившись с главным условием фабриканта – чтобы собрание не покидало особняка. Уже после Октября, существенно разрозненное, оно поступило в фонды Государственного Исторического музея.

После долгих колебаний Иван Егорович решил построить на собственной земле здание для экспозиции своей коллекции. Проект заказали известному московскому архитектору Владиславу Густавовичу Пиотровичу, который к тому времени построил для семьи Гриневых целый ряд загородных домов в Богородском и Лосиноостровской. Пиотрович был другом семьи и знал историю гриневского собрания едва ли не с момента его зарождения.

Владения наследников Гринева Георгия Васильевича – Василия Георгиевича, Ивана Егоровича, Ираиды Георгиевны: по Краснопрудной ул. – участки 128, 129, 130, 155; по Красносельскому тупику – участки 613, 614, 726; по 2-му Краснопрудному пер. – участки 895, 898; по 4-му Краснопрудному пер. – участок 858; по 1-му Красносельскому пер. – дом № 5; по 2-му Красносельскому пер. – дом № 12. По 2-му Красносельскому пер., 12 Строительным отделом принято новое каменное жилое строение – владелец И. Е. Гринева (из Межевых книг Москвы. 1904).

Дети Анастасии Федоровны мало в чем походили друг на друга. Ираида Георгиевна сама присмотрела себе жениха – старшего маклера Московской хлебной биржи Семена Попова. Но «на хозяйстве и пеленках», по ее выражению, не засиделась. Сумела выделить свой приданный капитал и затея-

ла собственное дело – стала едва ли не первой в России женщиной-маклером по продаже предприятий. Не поладив с мужем, учредила над ним опеку и одна растила детей – сына, окончившего Кадетский корпус, и дочь, ставшую акушером-гинекологом.

Василий Георгиевич стал присяжным поверенным и начал заниматься городскими делами. Многие годы был гласным городской думы, неоднократно переизбирался председателем сословия. Его присутствие находилось в Георгиевском переулке рядом с Благородным собранием. Василий Георгиевич покровительствовал самой большой в Москве Покровской мещанской богадельне на 1100 мест. Каждый воскресный и тем более праздничный день начинал с посещения приютов и тюрем, для обитателей которых дома пеклись особые калачи.

Под влиянием моды на дачную жизнь Василий Георгиевич и Ираида Георгиевна начали застраивать подмосковную Лосиноостровскую и благоустраивать новый поселок. Сегодня от былых просторных, украшенных резьбой дач, с паркетными полами, огромными верандами, непременно клумбами, зеркальными шарами и фонтанчиками в палисадниках, осталась всего одна – у самого железнодорожного полотна, получившая статус памятника архитектуры – признание мастерства Владислава Пиотровича.

Иван же Егорович сосредоточился на будущем музее. Окончание строительства совпало с его женитьбой на княжне Марии Никитичне Курбатовой.

Доживя без малого до ста лет, она иногда подшучивала

над унаследованным от отца титулом: княжна Мария Курбатова! Князья – без княжества и состояния!..

Семейное благополучие закончилось вместе с отменой крепостного права. Мария Никитична родилась на следующий год после указа Александра II и смутно помнила поместье под Харьковом. Просторный дом с навощенными до зеркального блеска полами. Ходившие по комнатам теплые сквозняки. Парусом на ветру вздувавшиеся Полотняные шторы на открытой террасе. Огненные плети настурций, свисавших из деревянных вазонов по краям широкой пологой лестницы. Уходившая в поля аллея пирамидальных тополей.

Мечта о музее для всех галичского крестьянина не было забыта в семье, но по-настоящему заняться ею оказалось возможным только по окончании Э.М. Белютиным аспирантуры и брака с Н.М. Молевой. Венчание в маленькой церковке на Преображенской площади Москвы было в полном смысле слова тайным — в закрытом для посторонних храме и только при двух свидетелях. Со стороны жениха - его учителя, живописца Павла Варфоломеевича Кузнецова, со стороны невесты – скульптора Сарры Лебедевой. Но этот обряд для молодых позволил присоединить к собранию Ивана Егоровича Гринева уникальное собрание мебели, составленное дедом невесты, последним дежурным генералом по Западному фронту императора Николая II Иваном Гавриловичем Матвеевым, тоже крестьянина, выходца из маленького города Ливны на Орловщине.

Больше 20 лет прослужив в штабе русских войск в Варшаве, генерал увлекся собранием мебели, скорее всего не без влияния тамошних жителей. Его интересы сосредоточились на западноевропейской мебели XVII - XVIII веков. Два собрания слились в удивительно гармоничный ансамбль. Теперь уже Белютин и Молева стали добиваться открытия фамильного музея, о котором мечтал Гринев. Двери их дома открылись для всех музейщиков и искусствоведов. Постоянно к ним обращалось Министерство иностранных дел с просьбой принять послов или высоких представителей чуть ли не всех стран мира. За одним столом у них можно было встретить послов Люксембурга, Бельгии, Голландии, Венгрии, Кипра и Италии. Все объяснялось высоким уровнем собрания, включавшего произведения Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка, Пуссена, Тициана, Микеланджело, но главное единственное в частных собраниях России произведение Леонардо да Винчи «Мадонна с книгой» и две картины Эль Греко – «Триипостасная Троица» и «Кающаяся Магдалина».

Предложение о показе собрания шли из США, Италии, Польши, Венгрии, Франции, и это несмотря на чрезвычайно высокую сумму страховки. Но одним из заветов Ивана Егоровича было показать собрание целиком и сразу в стенах музея, а «не искать славы по белу свету как на ярмарке». Положив всю жизнь на собирательство, Гринев истово относился к самой идее музея, оговорив, кстати сказать, не только бесплатный вход в него, но и существование при нем двух сотрудников, которые бы «специально детишкам искусство объясняли».

Время шло, но даже постоянная и очень активная поддержка СМИ не позволяла преодолеть как будто нарочно выдвигавшиеся препоны. И это при том, что супружеская чета не просила ни о каких субсидиях, и все готова была делать в смысле устройства музея на собственные средства.

Елигий Белютин стал всемирно известным художником, создателем школы живописи, которую везде называют аналогом системы Станиславского. Созданное им единственное в своем роде направление «Новая реальность», объединившее около 3 000 живописцев, графиков, дизайнеров, скульпторов, архитекторов и даже композиторов, вошло в историю, представлено в музеях мира. Сам Елигий Белютин в 72 музеях России, включая Третьяковскую галерею, Русский музей, Центр Помпиду (Париж), в 54 за рубежом. Он давно профессор, доктор наук, автор около 30 научных книг, награжден золотыми медалями Парижских Биеннале, аналогичных выставок в Риме, Золотым офицерским Крестом Высшего Достоинства как участник Великой Отечественной войны, боевыми медалями, член Итальянской Академии современного искусства, награжден орденом Почета нашим президентом - В.В. Путиным.

После кончины Мастера 26 февраля 2012 года вдова, согласно их совместной давно сформулированной воле, завещала все собрание России в лице ее Президента.

Сегодня прах Елигия Михайловича Белютина покоится в усыпальнице Дома Романовых в Ставропигиальном Новоспасском монастыре Москвы. Все работы самого художника безвозмездно переданы в региональные музеи

Российской Федерации. Его картина «Не рыдай обо мне мама. Россия.1962» (название скорректировано относительно привычного для всех «Не рыдай мене матери» писателем Виктором Астафьевым) находится в Русском музее.

Остается выполнить завещание Ивана Егоровича о фамильном музее.

СОДЕРЖАНИЕ

ОДНОЛЮБЫ	7
ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ	49
«БЕЛЮТИНСКИЕ ПАРХОДЫ»	85
ГОДУНОВСКИЙ УЗЕЛ	105
Царица Александра	106
МЫ – КОСТРОМСКИЕ	127

Нина Молева

КОСТРОМА
ПОКРОВ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ

Костромской государственный
историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

«НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»
Москва, 2013

Составитель-редактор
НИНА МОЛЕВА-БЕЛЮТИНА

Редактор
НАТАЛИЯ ВОРОНОВА-ТОЛСТОЛУЦКАЯ

Художественное оформление, макет и обложка
СВЯТОСЛАВ ПЛЮЩ

Издание первое.
Подписано в печать 17. 08. 2013. Формат 60 x 84 / 16
Печать офсетная. Печ. л. 19,75.
Гарнитура Palatino LinotypeС Cyr.
Отпечатано в московской типографии «ГАРТ»
Тираж 100 экз. Заказ № 9700-08

